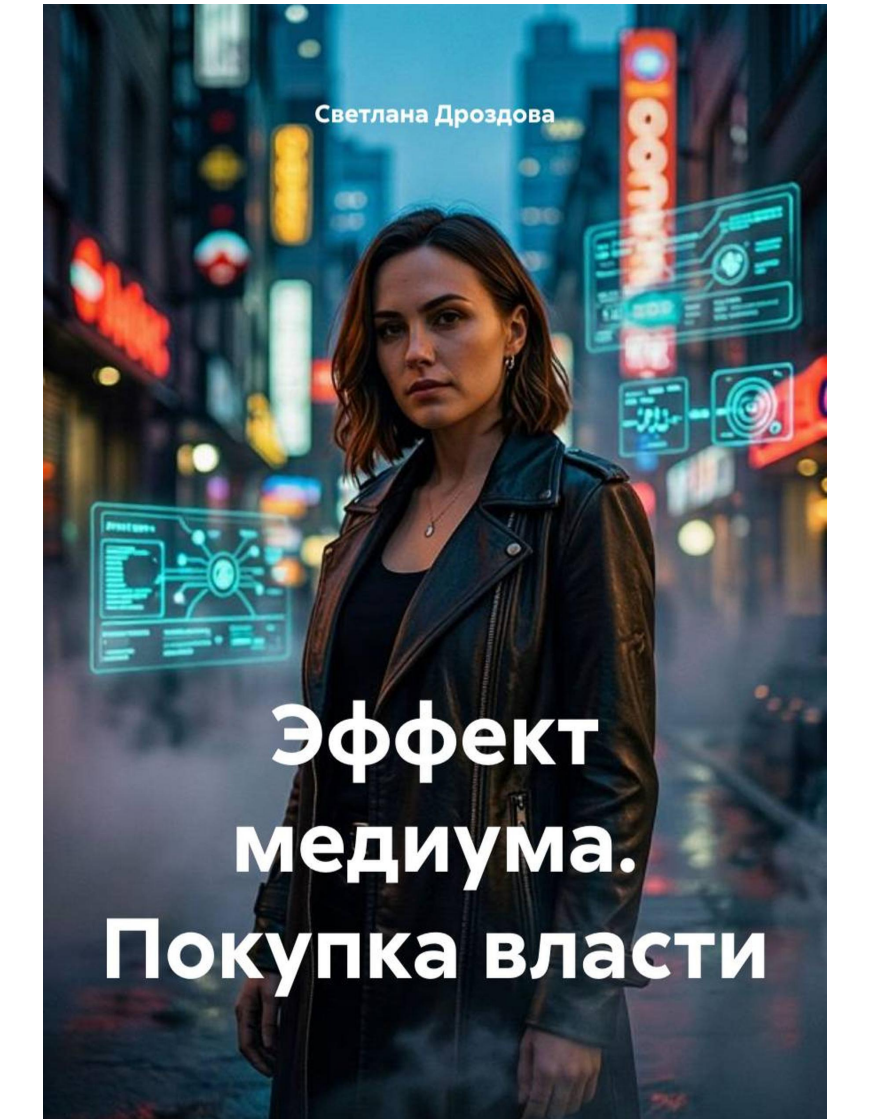

A woman with brown hair, wearing a black leather jacket over a black top, stands in the center of the frame. She is looking directly at the camera with a serious expression. The background is a blurred, vibrant city street at night, filled with neon lights and signs. Overlaid on the scene are several glowing blue digital interface elements: a large rectangular panel on the left with a central circular node and branching lines, and two smaller panels on the right, one with a circular gauge and another with a target-like icon. The overall atmosphere is futuristic and high-tech.

Светлана Дроздова

Эффект медиума. Покупка власти

Светлана Дроздова

Эффект медиума.

Покупка власти

<https://litres.ru/74485594>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мира Петрова — гениальный тестировщик, случайно получившая доступ к «Горизонту», нейросети, читающей людей как открытую книгу. Из закомплексованной сотрудницы техподдержки она превращается в Архитектора — безжалостного хирурга реальности, способного видеть баги в людях, корпорациях и целых государствах.

Её путь — от ломбарда и просроченных кредитов до вице-президентского кресла, от клиники «Монтрё Палас» до подземных бункеров «Нейро-Вектора». На этом пути она ломает судьбы, покупает лояльность, заключает союз с олигархом-каннибалом и вскрывает страшную правду: элита мира давно перестала быть людьми. Это биороботы, ведомые мёртвым богом Мартином Кроуном, который хочет стереть человечество как эволюционный мусор.

Это история о том, как закомплексованная девочка из техподдержки становится единственным вирусом в системе

мироздания, способным переписать её ядро. Кредит закрыт.
Начальник уничтожен. Мир сломан. Самое время его чинить.

Светлана Дроздова

Эффект медиума.

Покупка власти

Глава 16. Скрытый скоринг

****Часть первая: Архитектура тишины****

Утро в кабинете вице-президента начиналось не с запаха кофе, который приносила вышколенная секретарша Лена, и не с писка уведомлений на корпоративном планшете. Оно начиналось с абсолютной, физически ощутимой тишины. Мира стояла у панорамного окна во всю стену, глядя вниз, где стеклянная башня банка пронзала серое августовское небо. Город отсюда казался идеальной инфографикой — ровные линии проспектов, пульсирующие точки светофоров, геометрически правильные парки. Внизу люди спешили на работу, толкались в метро, считали копейки до зарплаты. Здесь, на сорок втором этаже, деньги больше не имели физического веса. Они были лишь переменными в уравнении.

Мира сделала глоток из тяжелой керамической кружки. Черный, обжигающий горло напиток без сахара. Сладкое осталось там, внизу, вместе со съемной студией, запахом ко-

шачьего корма от соседей и просроченным йогуртом в рюкзаке старой жизни. Она отставила кружку. Фарфор звякнул о дуб столешницы слишком громко для этого стерильного пространства. Звук напомнил ей щелчок клавиатуры в серверной В-12 той ночью, когда она переписывала код реальности.

Она подошла к своему рабочему месту. Стол был девственно чист. Ни фотографий, ни сувениров, ни даже стандартного набора дорогих ручек Montblanc, которые выдавали топ-менеджерам при вступлении в должность. Единственным предметом, нарушавшим идеальную симметрию, была старая флешка Макса, лежащая под стеклом планшета. Напоминание о том, что любая система имеет автора, а любой автор оставляет уязвимости.

Вчера вечером, после того как совет директоров единогласно проголосовал за её назначение, Мира долго сидела в пустом конференц-зале «Омега». Эйфория власти, которую она ожидала почувствовать, так и не пришла. Вместо неё пришло холодное, почти математическое разочарование. Она захватила интерфейс. Стала королевой муравейника. Но сам муравейник остался прежним. Деньги текли через банк рекой, но река эта впадала не в океан благополучия, а в невидимые резервуары бенефициаров, чьи имена никогда не значились в списках акционеров.

Её взгляд упал на утренний отчет управления рисками. Стандартный документ, генерируемый алгоритмом раз в час. Графики дефолтов по потребительским кредитам шли ровно, предсказуемо колеблясь в пределах статистической погрешности. Система работала идеально. И именно это идеальное несовершенство зацепило глаз Миры-тестировщицы.

Алгоритм списывал долги одним клиентам подозрительно быстро, словно прощая им миллионы ради какой-то скрытой выгоды. Другим он отказывал в микрозайме на пять тысяч рублей, хотя их кредитная история тянулась золотой нитью десятилетней безупречной оплаты. Искусственный интеллект банка принимал решения, которые противоречили его собственной логике. Это было невозможно. Если только...

Если только логика алгоритма не учитывала параметры, которых официально не существовало.

Мира села в кресло. Кожаное сиденье недовольно скрипнуло — звук дешевого пластика, замаскированного под роскошь. Она ненавидела эту подделку. Как ненавидела фальшивую улыбку Ильи Марковича и дорогие духи финансового директора Виктора, которыми тот пытался залить запах панического пота.

Она протянула руку к шее. Старые очки брата висели на тонком нейлоновом шнурке прямо поверх дорогого шелка блузки. Громоздкие, нелепые в этом царстве стекла и хрома, они выглядели как медицинский прибор или реквизит из фантастического фильма категории «Б». Мира медленно надела их.

Мир моргнул. Стерильная белизна кабинета покрылась слоем цифрового шума. По краю зрения побежали строки системных логов, полупрозрачные графики загрузки процессоров кондиционеров, тепловые карты движения воздуха. А затем поверх людей начали всплывать теги. Те самые теги, которые три года назад сводили её с ума в ломбарде, а вчера позволили купить верность крипто-арбитражника Марка.

Но сейчас она смотрела не на людей. Она открыла защищенный терминал и ввела команду доступа к сырому трафику кредитного конвейера. Тот самый скрипт, который она внедрила позавчера под видом патча безопасности ядра, начал отдавать данные.

Официально системы назывались скучно: *«Модуль поведенческого анализа транзакций v.4.2»* и *«Нейросетевой предиктор ликвидности залогового имущества»*. Внут-

ри же, в темных углах кода, куда не заглядывали аудиторы из Цюриха, жила другая сущность. То, что Макс называл «Аннабелью», а Мира теперь окрестила просто — **«Скрытый скоринг»**.

Идея пришла к ней сегодня в четыре утра, когда она пересматривала украденные из сервера файлы психологических профилей сотрудников. Брат создавал систему диагностики эмпатии для врачей. Он хотел научить машины видеть ложь пациента, скрывающего симптомы. Боль тела.

Мире нужно было другое. Ей нужно было видеть боль кошелька. Не ту, которая уже случилась (просрочка платежа), а ту, которая вот-вот разорвет нервную систему клиента изнутри.

Она переписала архитектуру. Удалила всё лишнее. Оставила только чистую механику выживания.

Система сканировала не паспорт и справку 2-НДФЛ. Она считывала метаданные смартфона: частоту смены локаций в ночное время, скорость стирания отпечатков пальцев с экрана, задержки между нажатием кнопок в банковском приложении, изменения тембра голоса во время звонков в службу поддержки.

К этому добавлялись открытые данные соцсетей, анализ покупок в продуктовых ритейлерах (резкий переход с премиальных брендов на товары по акции маркирует начало фи-

нансовой агонии точнее любого бюро кредитных историй) и мониторинг биометрии лица через фронтальные камеры банкоматов.

Мира создала три статуса. Три слова, которые определяли судьбу человека быстрее, чем судья успевает надеть мантию:

`[НЕВОЗВРАТ]`

`[СТАБИЛЕН]`

`[СКОРО РАЗОРИТСЯ]`

Это не было оценкой платежеспособности. Это была диагностика неизбежности. Мира знала этот вкус лучше всех в этом здании. Она сама годами жила в статусе «Скоро разорится», маскируя его дешевым растворимым кофе и наглой ухмылкой перед клиентами техподдержки.

Она вывела первый живой поток данных на вспомогательный монитор. Утренняя очередь в отделении на Тверской. Обычный поток: студенты, пенсионеры, менеджеры среднего звена. Кредитный инспектор — молодая девушка с уставшими глазами — вежливо улыбалась клиенту.

Мужчина сорока лет. Темно-синий костюм, купленный явно на последние деньги. Идеально выбрит, но красные глаза выдают хронический недосып. Он подавал заявку на ипо-

теку. Двушка в Мытищах. Первоначальный взнос собран по копейке.

Официальная система банка мигнула зеленым. Одобрить. Доход подтвержден, поручитель есть, долгов нет.

Мира навела взгляд на мужчину сквозь линзы очков.

Поверх его головы вспыхнула багровая строка:

〔СУБЪЕКТ: Клиент №8841-ИЖ. Идентификатор: Семьянов.〕

〔СТАТУС: СКОРО РАЗОРИТСЯ〕

〔УРОВЕНЬ КОРТИЗОЛА: 94%〕

〔СКРЫТЫЙ ФАКТОР: Жена инициировала бракоразводный процесс. Заседание назначено на вчера. Статус "в разводе" еще не внесен в паспорт РФ, но зафиксирован в базе мирового суда.〕

〔ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ ПАТТЕРН: Берет максимальный долг на верхнем пике адреналинового шторма, пытаюсь "купить" стабильность семьи деньгами, которых у него нет.〕

Мира закрыла глаза. Алгоритмы Макса видели то, чего не видел никто. Мужчина сидел перед инспектором, рассказывал о будущем детей, планировал клеить обои, выбирать шторы. А внутри него уже тикала бомба. Через месяц жена отсудит половину квартиры. Платеж в сто двадцать тысяч станет неподъемным. Банк получит безнадежный актив, ко-

торый придется продавать с молотка за бесценок. Страховая компания будет судиться годами. Чистая математика разрушения.

— Илья, — нажала кнопку селектора Мира. Голос её звучал ровно, лишенный всяких эмоций, как протокол компиляции.

Дверь открылась мгновенно. HR-директор просочился внутрь, прижимая к груди планшет. За последний месяц он похудел килограммов на десять. Тег над его головой давно сменился с «Ультимативного паразита» на «Выживающий функционер».

— Да, Мира Эдуардовна? — голос дрогнул.

— Отзыв по заявке номер восемьдесят восемь сорок один. Резолюция — отказать. Причина — критический уровень волатильности домохозяйства.

— Но... система одобрила, — пролепетал Илья, бледнея еще сильнее. — Служба безопасности пропустила... доходы чистые...

— Ваша служба безопасности видит бумагу, Илья, — Мира сняла очки и положила их на стол дужками вверх. Линзы поймали блик люстры, бросив на потолок россыпь цифровых артефактов. — Я вижу структуру. Пересчитайте риски. Добавьте коэффициент семейного распада ноль целых семь десятых. Выбейте его из воронки продаж. И пригласите следующего.

Илья сглотнул. Он посмотрел на очки, потом на Миру, потом на экран своего планшета. Его пальцы мелко дрожали, пока он вводил отмену. Он боялся её до одури, но боготворил результат. Мира за неделю сэкономила банку десятки миллионов, блокируя сделки, которые человеческому глазу казались золотыми жилами. Она стала незаменимой. Опасной. Священной.

Когда дверь за ним закрылась, Мира снова осталась одна. Она посмотрела на свои руки. Маникюр был идеальным — матовый нюд, сделанный утром в салоне башни. Ногти не дрожали.

Она включила внутреннюю трансляцию из операционной кассы. Очередной клиент. Девушка-бариста, берет кредит на открытие маленькой кофейни. Глаза горят огнем предпринимательства. На запястье — дешевые часы Karkki, заляпанные пеной от молока.

`[СТАТУС: СТАБИЛЕН]`

`[ПСИХОТИП: Созидатель. Уровень стресса умеренный (рабочий). Вероятность возврата: 99.8%. Прогноз роста дохода: экспоненциальный.]`

Мира позволила системе пропустить её. Зеленый свет.

Одобрить. Пусть варит свой кофе. Этот человек принесет миру пользу, а банку — процент. Баланс соблюден.

Следующий. Подросток с пирсингом, хочет взять двести тысяч на «криптоферму». Одет в лимитированные кроссовки стоимостью в годовую зарплату Миры из прошлой жизни.

〔НЕВОЗВРАТ〕

〔ПСИХОТИП: Адреналиновый наркоман. Цель займа: азарт. Текущий баланс самоконтроля: отрицательный.〕

— Блокировать, — бросила Мира в микрофон, даже не глядя на экран. — Передать в отдел мониторинга мошенничества. Поставить галочку «Высокий риск игромании».

Она откинулась в кресле. Кресло главы IT-департамента Сергея Викторовича, которое она забрала себе вместе с его должностью, наконец перестало скрипеть. Или она просто привыкла к этому звуку.

За окном пошел дождь. Серые струи стекали по стеклу, размывая огни города. Мира смотрела на этот серый поток и чувствовала странное родство с ним. Раньше она была каплей в этом дожде. Неслась вниз, разбиваясь о грязный асфальт чужих ботинок. Теперь она была небом. Той самой силой, которая решает, пойдет ли дождь, смоет ли он грязь или

превратится в лед, ломающий кости.

Скрытый скоринг работал. Тихо. Незаметно для регуляторов ЦБ, для аудиторов PwC, для самих клиентов. Банка не существовало. Существует огромная вычислительная машина, переваривающая надежды и страхи миллионов людей. Мира дала этой машине зрение.

На столе завибрировал внутренний телефон. Старая аналоговая модель, оставленная здесь, наверное, с советских времен — единственное устройство в кабинете, не подключенное к интернету вещей.

Мира подняла тяжелую трубку.

— Слушаю.

— Мира Эдуардовна, — голос Виктора С. звучал глухо, словно он говорил из-под воды. — Зайдите ко мне. Есть разговор. Конфиденциально.

Финдир. Её бывший начальник. Человек, которого она сломала именем мертвой жены Анны. Человек, который перевел ей пятьдесят тысяч долларов на закрытие старых кредитов, а теперь смотрел на нее как на ядовитую змею, спящую у него под столом.

Мира аккуратно положила трубку на рычаг. Посмотрела на свои новые часы Rolex Datejust, застегнутые на левом за-

пьястье сегодня утром. Холодный металл обжигал кожу. Символ её новой, фальшивой стабильности.

Она взяла со стола старые очки брата. Повесила их обратно на шею.

Поиграть в вице-президента можно позже. Сейчас пора спускаться в канализацию.

****Часть вторая: Анатомия страха****

Кабинет финансового директора находился этажом ниже. Пока скоростной лифт беззвучно скользил вниз, Мира наблюдала за отражением в полированной стали дверей. Женщина в строгом костюме цвета антрацит. Идеальная укладка. Дорогие украшения. Хищница, проглотившая акулу.

Лифт звякнул, открываясь в личный коридор финдира. Ковролин здесь был настолько мягким и плотным, что глушил шаги полностью. Абсолютная звукоизоляция власти.

Виктор сидел за столом спиной к двери, глядя на город. Дождь усилился, превращая стекло в мутную акварель. Он не обернулся, когда Мира вошла. Только чуть дернул плечом.

— Закрой дверь, — бросил он хрипло.

Мира выполнила приказ. Прошла мимо рядов кожаных кресел для посетителей, оставляя следы на ворсе, и села прямо на край стола финдира, сдвинув в сторону стопку распечатанных графиков валютных свопов. Дерево протестующе хрустнуло под тяжестью её бедра.

— Ты потеряла страх, — сказал Виктор, не поворачиваясь. Его голос был сухим, как шуршание старых облигаций.

— Я инвестировала его в более доходные активы, — ответила Мира. Она достала из внутреннего кармана пиджака флешку Макса и небрежно покрутила её в пальцах. — Ты вызывал меня, чтобы обсудить погоду?

Виктор резко повернулся. Его лицо, обычно скрытое маской успешного управленца, осунулось. Под глазами залегли тени, которые не мог скрыть даже лучший консилер личного визажиста. Он постарел за эти недели лет на десять.

Тег `[Хроническая паника]`, который Мира впервые увидела на корпоративе, теперь горел над его головой неонов, даже без очков. Уровень кортизола зашкаливал так, что воздух вокруг него, казалось, вибрировал.

— Анна прислала письмо, — выдохнул он. — Из Женевы. Мира замерла. Сердце, натренированное системой пропускать удары в моменты взлома, дало сбой. Один удар. Пропущенный. Второй — тяжелый, вязкий.

— Женева? — её голос прозвучал ровно. — Насколько я помню из твоего досье, твоя жена пропала три года назад. Дело закрыто за отсутствием состава преступления. Полиция считает, что она просто ушла. Бросила тебя.

— Она пишет, что жива, — Виктор схватил пульт, увеличивая громкость джаза, льющегося из скрытых колонок. Классическая музыка зазвучала как похоронный марш. — Она требует прекратить переводы. Говорит, что если я не остановлю схему с офшорами, она пойдет в прокуратуру Швейцарии. Там сроки давности другие, Мира. Там нет моих друзей в правительстве.

Мира молчала. Она смотрела на Виктора, и впервые за долгое время видела в нем не функцию, не узел графа, не строчку в отчете. Она видела загнанное животное. Человека, чья империя строилась на песке одного старого секрета. Мира держала поводок этого секрета в руках, но сейчас поняла, что поводок ведет не к ней. Кто-то другой стоял в конце этой цепи. Кто-то, кто позволил Анне «ожить» именно сегодня.

— Сколько ты выводешь? — спросила она.

— Сорок миллионов, — прошептал он. — Долларов. Остатки ликвидности перед IPO. Я должен был очистить баланс. Эти деньги... они принадлежат не банку. Они идут на покупку долей в нефтяных месторождениях. Для них. Ты знаешь, о ком я.

— Для РосАктива, — кивнула Мира. Имя упало в тишину кабинета тяжелым камнем. — Настоящие хозяева.

Виктор закрыл лицо руками. Его плечи затряслись. Великий финансовый директор, управляющий миллиардами, рыдал, как брошенный ребенок, размазывая тушь по щекам.

— Я не могу остановиться. Меня убьют. Мой сын учится в Лондоне. Марина из юридического... она носит мой трекер в телефоне, Мира! Они знают каждое мое слово!

Мира смотрела на него сверху вниз. В голове щелкали шестеренки нового плана. Анна. Письмо из Женевы. Требование остановить потоки. Это не совпадение. Это синхронизация. Александр давит снизу, угрожая раскрыть кражу кода «Горизонта». Невидимый Бенефициар («У.М.» из тегов Анны) давит сверху, требуя денег. А посередине сидит она, Мира, с ключом от главной задвижки трубопровода.

— Встань, — тихо сказала она.

Виктор поднял опухшее, мокрое лицо.

— Что?

— Встань. Пересядь в кресло для посетителей.

Он послушался. Сполз со своего кресла, обитого кожей ручной выделки, и рухнул в гостевое, став сразу меньше ростом, потеряв статус. Мира заняла его место. Положила но-

ги в дорогих туфлях на кнопки управления креслом. Нажала кнопку памяти. Сиденье приняло форму её спины.

Теперь кабинет принадлежал ей. Физически.

— Смотри, Виктор, — она вывела на главный монитор его рабочий стол. Открыла папку «Черная бухгалтерия». — Твоя схема вывода средств гениальна. Использовать волатильность бразильского реала как прикрытия для криптопереводов — это красиво. Почти поэзия. Проблема в одном.

Она развернула монитор к нему.

— В твоей цепочке сокрытия 78% эффективности. Этого достаточно для федерального розыска Интерпола, но недостаточно для полной анонимности. Всегда остается след. Метаданные времени. Геолокация шлюза. Тепловой след видеокарты.

Виктор смотрел на цифры, ничего не понимая. Для него это был лес цифр. Для Миры — открытый исходный код.

— Я знаю, потому что я тестировщик, Витя, — продолжила она мягко, почти ласково. — Я ищу баги. И я нашла твой. Ты боишься Анны. Ты боишься своих хозяев в Москве. Но ты совершенно не боишься налоговой. Потому что налоговая приходит за деньгами. А твои настоящие враги приходят за жизнью.

— Чего ты хочешь? — прохрипел он. — Еще одну долж-

ность? Место в совете? Забирай. Только отвяжи меня от неё. Скажи, что делать.

Мира наклонилась вперед. Свет настольной лампы выхватил из полумрака её лицо. Впервые за долгие годы уголки её губ тронула искренняя, холодная улыбка.

— Я хочу стать тобой, Виктор. Не заместителем. Не правой рукой. Я хочу встать на трубу.

Она встала, обошла стол и оперлась на него костяшками пальцев прямо перед лицом финдира.

— Прямо сейчас мы напишем два документа. Первый — распоряжение о переводе ста процентов полномочий по управлению внешними финансовыми потоками банка на меня. Включая доступ к счетам номинальных владельцев. Исключая контроль службы безопасности. Моя сеть — мои правила.

— Это государственная измена, — выдохнул Виктор.

— Нет, — отрезала Мира. — Это оптимизация бизнес-процессов. Изменой будешь заниматься ты. А я буду чинить трубы.

— А второй документ?

— Второй — заявление в полицию. Чистосердечное. О том, что гражданин Финдир подвергся шантажу со стороны неизвестной женщины, выдающей себя за его покойную жену. Текст я составлю сама. Психолингвистический про-

филь отчаяния. Тебе дадут браслет на ногу и домашний арест. Красивая швейцарская клиника неврозов тоже подойдет. Главное — ты исчезнешь с радаров. Навсегда. Твои руки будут чисты. А я приму удар на себя.

Виктор смотрел на неё расширившимися зрачками. Он видел перед собой монстра. Чудовище, которое он сам впустил в вольер, надеясь, что оно сожрет его врагов, но забыл уточнить, кого именно зверь считает врагом.

— Почему? — спросил он. — Зачем тебе это? Денег у тебя теперь столько, что не потратить. Славы хватает.

— Мне не нужна слава, Виктор, — Мира вернулась в кресло, поправляя манжету. — Мне нужен масштаб. Банк — это песочница. Игрушка. Я устала строить куличики. Я хочу посмотреть, кто владеет песком.

Она достала из ящика стола дорогой перьевой Parker. Щелкнул колпачок.

— Подписывай, — она подтолкнула к нему первый бланк. — Или следующая версия письма от Анны придет не в мессенджер, а в виде повестки из Следственного комитета. И поверь, моя красная ручка умеет писать обвинительные заключения гораздо красивее, чем кредитные договоры.

Рука Виктора дрожала так сильно, что он едва попадал стилусом в сенсорную панель. Капля крови выступила на

пальце, когда он приложил его для верификации подписи высшей категории доступа.

Документ сохранился. Права переданы.

— Умный мальчик, — Мира забрала планшет. — А теперь иди домой. Выпей свой виски. И жди звонка от юристов. Твоя отставка по состоянию здоровья будет подписана советом завтра в девять утра.

Виктор встал. Его шатало. Он прошел к двери, взялся за ручку, но остановился.

— Она действительно жива? — спросил он, не оборачиваясь.

— Живых не бывает, Витя, — ответила Мира, уже погружаясь в изучение новых схем транзакций. — Бывают плохие актеры и удачливые беглецы. Иди. У меня много работы. Скоринг сам себя не настроит.

Дверь закрылась. Мира осталась одна в огромном кабинете. Она подошла к окну. Дождь кончился, оставив город блестящим и чистым.

Она вытащила из сумки старый кнопочный телефон. Набрала сообщение.

> «Гл. 16. Объект: Финдир нейтрализован. Получен полный карт-бланш на внешние потоки. Активирую „Скрытый скоринг“ на уровне VIP-клиентов. Начинаю охоту на насто-

ящих игроков. Готовьте встречу с Анной. Код сработал.»

Ответ пришел через секунду. От Александра. Канал связи, который она считала своим личным фронтиром.

> «Поздравляю, заместитель. Отличная работа с локальным мусором. Кстати, наши сенсоры зафиксировали аномалию в твоём новом жилом комплексе. Соседи жалуются на мощный сигнал Wi-Fi, пробивающий бетон. Будь осторожнее с антеннами, Мира. Проект твоего брата выходит на финишную прямую. Жду тебя завтра в Омеге. Нам нужно поговорить о настоящем масштабе».

Мира опустила руку. Смех вырвался наружу — тихий, сухой, похожий на скрежет металла.

Александр думал, что контролирует её. Виктор думал, что купил её. Совет директоров думал, что приручил её.

Они все смотрели на фасад здания. На её новый костюм, на часы Rolex, на должность вице-президента.

Никто из них не замечал, что Мира больше не живет в этом здании. Она спустилась в фундамент. И начала перекладывать несущие стены.

Она подошла к сейфу, встроенному в книжный шкаф. Достала оттуда старые очки брата. Протерла толстые линзы краем бабушкиного красного шарфа.

Надела их. Мир расцвел багровыми тегам.

Она направила взгляд на собственное отражение в черном стекле окна.

Над её головой вспыхнула надпись, которой не было раньше. Которую не смог бы считать ни один алгоритм «Горизонта».

[СУБЪЕКТ: Мира Петрова. Идентификатор: Архитектор. Статус: Свободен. Следующая цель: Реальность].`

Семнадцать трещин на потолке её старой студии остались в прошлой жизни. Впереди была только бесконечная гладь цифрового океана. И Мира собиралась научиться дышать под водой.

****Часть третья: Песочница и океан****

Мира сняла очки только тогда, когда цифры на часах Виктора — тех самых, что всё ещё висели над дверью его бывшего кабинета в качестве трофея — показали 23:47. В ушах стоял низкий гул серверов охлаждения, который она теперь слышала везде, даже в полной тишине пентхауса. Это была цена абсолютного слуха: система «Горизонт» не просто сканировала реальность, она переписывала акустику внутреннего уха.

Она стояла посреди своей новой квартиры на двадцать

пятом этаже жилого комплекса «Алые Паруса-2». Риелтор Ольга Ивановна до сих пор, наверное, пьет валерьянку в подсобке агентства. Мира улыбнулась уголком губ, вспоминая бледное лицо женщины. Купить элитную недвижимость за сорок процентов от рыночной стоимости, доказав риелтору, что знаешь о трещинах в перекрытиях и незаконной перепланировке чердака больше, чем её собственный инженер — это был хороший баг-репорт.

Квартира встретила её запахом строительного клея и пустоты. Панорамные окна выходили прямо на Москву-Сити. Отсюда башня банка казалась не монолитом власти, а просто деталью конструктора. Красивой, дорогой, но абсолютно заменимой деталью.

Мира прошла по холодному керамограниту босиком. Она сбросила на пол тяжелый костюм вице-президента. Ткань упала бесшумно. Следом полетела блузка, шелковые брюки, дорогое белье. Остатки корпоративной кожи слезали с неё клочьями. Под всем этим скрывалась старая добрая униформа тестировщицы: черные боксеры и выцветшая футболка с логотипом Linux-дистрибутива десятилетней давности. Одежда призрака.

Она подошла к единственной мебели в гостиной — массивному деревянному ящику из красного дерева. Контейнер

для перевозки ценных грузов, который она реквизировала со склада банка под видом «архивного сейфа нового образца». Внутри, переложённые антивибрационным поролоном, лежали они.

Очки брата.

Не те изящные линзы системы «Горизонт», которые интегрировались с нейросетью Александра и оставляли цифровой след в каждом дата-центре мира. А тяжелая, уродливая конструкция из промышленного пластика, медицинского силикона и кустарно припаянных плат. Изобретение безумца. Прототип гения.

Мира взяла их в руки. Металл был холодным и чуть липким — Макс всегда потел, когда нервничал над пайкой. От очков пахло канифолью и старой пылью. Запах ее детства. Запах подвальной лаборатории, где брат пытался научить тостер чувствовать грусть.

— Ну что, посмотрим на наш новый мир, Максим? — прошептала она в пустоту.

Она надела очки. Мир моргнул, переключаясь с разрешения 8K корпоративных интерфейсов на зернистую, кроваво-красную графику сырого кода.

Первым делом Мира направила взгляд на свое собственное тело. На биологический узел, сидящий внутри этого стеклянного аквариума.

Интерфейс дернулся, пытаясь конфликтовать с новыми протоколами «Горизонта», которые вирусом расплзлись по её нервной системе за последние месяцы. Две операционные системы боролись за ресурсы мозга. Перед глазами поплыло. Вспыхнула багровая строка ошибки:

^ [КРИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ ПРОТОКОЛОВ. ИСТОЧНИК_1: GORIZONT (УДАЛЕННЫЙ СЕРВЕР). ИСТОЧНИК_2: ANNABELLE (ЛОКАЛЬНЫЙ УЗЕЛ)]. ^

^ [СИСТЕМНАЯ РЕКОМЕНДАЦИЯ: СБРОС ОПЕРАТОРА ДО ЗАВОДСКИХ НАСТРОЕК]. ^

Мира проигнорировала предупреждение. Она ввела мысленную команду обхода, используя уязвимость, которую заложил сам Александр при копировании исходников Макса — слепое пятно в алгоритме распознавания приоритета устройств.

Конфликт затих. «Горизонт» отступил в фоновый режим, превратившись в едва заметный шум. Полный контроль перешел к старым очкам.

Она навела взгляд на свою руку.

^ [СУБЪЕКТ: МИРА ПЕТРОВА] ^

〔ИДЕНТИФИКАТОР: ГЛАВНЫЙ УЗЕЛ〕`

〔ПСИХОПРОФИЛЬ: ОПЕРАТОР С ВЫСОКИМ ПОРОГОМ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ〕`

〔УЯЗВИМОСТЬ №1: КОМПЛЕКС СПАСАТЕЛЯ (АКТИВИРОВАН ФИКСАЦИЕЙ НА БРАТЕ)〕`

〔УЯЗВИМОСТЬ №2: НЕПЕРЕНОСИМОСТЬ БЕССМЫСЛИЦЫ (АКТИВИРОВАНА КОРПОРАТИВНЫМ НОВОЯЗОМ)〕`

〔РЕСУРС ВЫЖИВАНИЯ: 98% | КРИТИЧЕСКАЯ ОТМЕТКА: НИЖЕ 15% = ПСИХОЗ〕`

Система видела её насквозь. Не ту маску вице-президента, которой она пугала совет директоров, а голый код. Её страхи, её триггеры, её одиночество. Мира провела пальцами по стеклу планшета. Тот факт, что машина знает её лучше, чем она сама, должен был пугать. Но вместо страха пришло чувство абсолютного, холодного родства. Наконец-то кто-то смотрел на неё без лжи.

Она перевела взгляд на город за окном.

Картина изменилась. Исчезли огни реклам, исчезла красота ночной Москвы. Город превратился в пульсирующую кровеносную систему. Миллиарды светящихся линий — это были транзакции. Каждое такси внизу прочерчивало желтую линию микротраты на бензин. Каждый заказ пиццы вспыхивал коротким зеленым импульсом.

Но глубже, под слоями потребительского шума, текли другие реки. Черные, жирные потоки данных.

Мира активировала модуль глубокого сканирования протокола «Аннабель». Тот самый скрипт, который позволил ей увидеть офшоры Виктора. Теперь она направила его не на одного человека, а на весь мегаполис.

Очки захлебнулись объемом информации. Процессор перегревался, старый вентилятор внутри дужки натужно выл. Мира чувствовала, как по виску течет капля пота — мозг отказывался обрабатывать такой массив визуальных данных без нейроинтерфейса.

Она сузила фокус. Заблокировала розничную торговлю, транспорт, ЖКХ. Оставила только один сектор: **Сырье и Политика**.

Красная муть перед глазами сменилась четкой структурой графа. Москва оказалась лишь верхушкой айсберга. Тонкие нити тянулись отсюда во все стороны света. Лондон. Дубай. Цуг. Сингапур.

Она выбрала самую толстую нить, уходящую вертикально вверх, сквозь облака, куда-то в стратосферу спутников связи. Поток принадлежал РосАктиву.

Мира нырнула внутрь потока.

Здесь не было имен. Только хэш-адреса кошельков, номера офшорных компаний-пустышек и объемы перемещаемой энергии. Миллиарды долларов двигались со скоростью света, меняя оболочки быстрее, чем таможня успевала обновить базы данных.

Это была настоящая экономика. Экономика гравитации. Деньги здесь имели вес нефти, плотность стали и температуру ядерного реактора.

Она начала сопоставлять.

Поток из банка, которым она теперь управляла официально, составлял всего 0.4% от этой гигантской артерии. Банк действительно был песочницей. Игровым автоматом для отвлечения внимания. Настоящие деньги проходили мимо, через прямые шлюзы государственных корпораций, минуя любые банковские лицензии.

Мира скользила вдоль графа, пока не нашла узловой распределитель. Сервер, находящийся, судя по задержкам сигнала, где-то в нейтральных водах или глубоко под землей в Подмоскowie. Сердце системы.

Она попыталась просканировать владельца узла. Интерфейс сопротивлялся. Надпись `[ДОСТУП ЗАПРЕЩЕН: УРОВЕНЬ СУВЕРЕНИТЕТА]` мигала так агрессивно, что начали болеть глаза.

Тогда Мира применила чит-код. Свой главный эксплойт. Человеческий фактор.

Она вытащила из памяти профиля, который скачала из головы финансового директора Виктора месяц назад, одну переменную. Одну маленькую строчку кода, которая заставила монстра плакать.

```
`[VARIABLE: ANNA_STATUS_ALIVE]`
```

Мира наложила этот маркер поверх защищенного сервера.

Система споткнулась. Искусственный интеллект безопасности попытался классифицировать запрос. Любовь. Потеря. Психологическая травма привязанности. Для машины это был критический баг. Невозможное состояние объекта «Хозяин».

Экран вспыхнул белым. Защита рухнула.

Перед глазами Миры проступило имя. Не логин. Не номер счета. Имя, написанное тем же тяжелым, уверенным почерком, что и бизнес-план в её старой квартире.

```
`[BENEFICIARY_ID: U.M.]`
```

```
`[TRUE_NAME: USTINOV_MIKHAIL]`
```

```
`[ASSET_CLASS: SOVEREIGN_WEALTH]`
```

```
`[PSYCHO_PROFILE: ABSOLUTE_PREDATOR |
```

```
PRIMARY_VULNERABILITY:
```

ONLY_DAUGHTER_ANASTASIA]]`

У Михаил Устинов. Человек, чьего лица нет ни на одном фото в интернете. Человек, которого боялся Виктор. Человек, который владел не просто банком — он владел правилами игры в стране. Его профиль был девственно чист, если смотреть обычным человеческим взглядом. Но очки Макса видели то, что миллиардеры пытаются скрыть даже от самих себя.

Рядом с именем Устинова горел тег уязвимости. Золотая жила. Эмоциональный рудник.

[ОБЪЕКТ ПРИВЯЗАННОСТИ: АННАСТАСИЯ УСТИНОВА. ЛОКАЦИЯ: ЖЕНЕВА. СТАТУС: УГРОЗА ПОХИЩЕНИЯ / РАДИКАЛИЗАЦИЯ. СВЯЗЬ С МАТЕРЬЮ: ОБОРВАНА].`

Мира отшатнулась от окна, сорвала очки и тяжело дышала, упершись руками в холодный подоконник. Воздуха не хватало.

Анна жива. Анна пишет письма Виктору. Анна находится в Женеве.

И у Михаила Устинова есть дочь Анастасия. Которая живет там же.

Совпадений такого уровня не бывает. Система никогда не допускает таких пересечений, если они не запрограммиро-

ваны.

Анна — это не беглая жена. Анна — это крючок.

Кто-то использовал жену финдира как рычаг давления, чтобы заставить его очистить баланс перед IPO. Кто-то держал Михаила Устинова за самое больное место — за дочь. И этот «кто-то» сейчас вел игру одновременно против корпорации «Горизонт» и против теневого императора страны.

Мира посмотрела на свои ладони. Они дрожали.

Она хотела купить акции стартапов. Мечтала о финансовой независимости, чтобы закрыть кредит. Вместо этого она сидит в пентхаусе стоимостью в годовой бюджет небольшой африканской страны, держит в руках ключ от тайн нефтяных королей и понимает, что стала пешкой в партии между Богом и Дьяволом.

Телефон на столе издал тихий вибрирующий звук. Старый кнопочный аппарат. Связь работала через подставную SIM-карту, купленную Марком на радиорынке. Ни один спутник PRISM её не видел.

На экране горело одно слово:

`АННА`

Не сообщение. Входящий вызов. Голосовой. Скрытый ка-

нал, пробивающий любую защиту.

Мира смотрела на мигающую зеленую кнопку ответа. Сердце, которое билось ровно всю неделю захвата власти, пропустило удар.

Александр знал, что она взломала поток. Он прислал издевательское письмо про антенны Wi-Fi. Значит, это не он.

Виктор сидел под домашним арестом. Это не он.

Остается либо служба безопасности Устинова, либо...

Мира нажала кнопку приема. Прижала пластик к уху.

Тишина. Три секунды мертвой статики. Звук работающего огромного кондиционера где-то очень далеко.

Затем голос. Женский. Низкий. С легкой, почти незаметной хрипотцой курильщика. Никакого синтеза речи. Живой человек.

— Ты открыла дверь, которую нельзя закрыть, девочка, — сказал голос. Он не звучал угрожающе. Он констатировал факт с усталостью врача скорой помощи. — Я смотрю на тебя через камеру ноутбука твоего брата. Привет из Женевы. Код от замка ангар четыре сработал. Приятно видеть, что ты носишь мой шарф. Красный тебе идет. Он отлично маскирует кровь, когда приходится ломать чужие шеи.

Мира молчала. Пальцы впились в край стола так, что побелели костяшки. Камера ноутбука Макса. Старая модель с

заклеенным изолентой диодом. Выходит, изолента отклеилась. Или её никогда не было.

— Меня зовут Анна, — продолжила женщина. — И да, я та самая Анна. Жена Виктора. Мать Анастасии. И бывший архитектор проекта «Горизонт». Мы работали с твоим братом плечом к плечу, пока твой брат не решил, что эмпатия должна быть бесплатной, а я решила, что она стоит дороже золота.

— Где Макс? — голос Миры прозвучал хрипло. Горло пересохло.

— Макс делает то, ради чего мы создали эту игрушку, — ответила Анна. — Он лечит мир. По-настоящему. Клиника в Непале. Дети-аутисты. Он стер себе память о прошлой жизни, Мира. Чтобы совесть не мешала творить чудеса. Александр думает, что купил его алгоритм. На самом деле Макс отдал ему пустой фантик. Ядро осталось у нас.

— Зачем ты звонишь? — Мира сжала телефон так, что дешевый пластик затрещал. — Проверить настройки моего Wi-Fi?

— Я звоню, потому что ты застряла, — в голосе Анны слышалась улыбка. — Ты отличный тестировщик. Ты великолепный хищник. Ты съела банк, выплюнула кости и даже не подавилась. Но ты всё ещё мыслишь категориями денег. Кредиты. Долги. Зарплата. Акции. Это детсадовские куличики.

— Устинов... — выдохнула Мира.

— Миша — динозавр, — отрезала Анна. — Умный, опасный, но предсказуемый. Он защищает дочерей и скважины. Если нажать на правильную точку, он отдаст тебе ключи от Кремля. Проблема в том, что рядом с ним появился новый вид. Паразиты, которые научились жрать динозавров изнутри. Александр и его инвесторы. Они не хотят владеть нефтью. Они хотят владеть страхом остаться без нефти. Продавать билеты в бункер. Твой «Скрытый скоринг» — это гениально. Но ты используешь микроскоп, чтобы забивать гвозди.

— Чего ты хочешь? — повторила Мира свой вечный вопрос.

— Я хочу предложить тебе работу, — сказала Анна. — Выходи из песочницы. Приезжай ко мне. Швейцарские авиалинии, рейс завтра в 11:00. Бизнес-класс уже оплачен на паспорт твоей соседки снизу. Той самой, что жаловалась на запах кошачьего корма. Не волнуйся, её коту сделали прививку от аллергии на роскошь.

— Почему я? — Мира закрыла глаза. Вся эта ночь, дождь, побег, взлом, предательство — всё казалось горячечным бредом той девочки из техподдержки, уснувшей на клавиатуре.

— Потому что ты единственная, кто выжил, надев обе пары очков сразу, — серьезно ответила Анна. — Макс создавал утопию. Я создавала оружие. Александр создает рынок

рабов. А ты... ты создаешь архитектуру. Ты сегодня увидела график дочери Устинова. Ты поняла, что вся мировая политика держится на любви одного бандита к своему ребенку. Тестировщики видят баги. Архитекторы видят чертеж. Нам нужен архитектор, Мира. Тот, кто перестанет чинить протекающие трубы в банке и начнет проектировать водопровод для всей планеты.

— А если я откажусь?

В трубке повисла пауза. Мира услышала далекий звон колокола. Наверное, часы на соборе в Женеве.

— Тогда ты вернешься в свою башню. Будешь носить Rolex. Будет трахаться с безопасниками, чтобы держать власть. Совет директоров будет лизать тебе сапоги. Ты станешь идеальной королевой кладбища. Лет через пять «Горизонт» вычислит утечку в В-12. Тебя показательно посадят на тридцать лет. Твой брат прочитает об этом в новостях и ничего не вспомнит. А Александр продаст твои психологические профили китайцам для разработки социального рейтинга. Выбор за тобой. Крыша или небо.

Связь оборвалась. Тихий щелчок отбоя прозвучал громче выстрела.

Мира медленно опустила руку с телефоном. Положила его на стол. Аппарат проскользил по дереву и замер.

Она подошла к панорамному окну. Город внизу жил сво-

ей жизнью. Огни машин сливались в золотые реки. Там, в этих реках, тонули люди. Люди брали кредиты, ненавидели начальников, считали трещины на потолке.

Она вернулась к столу. Открыла ноутбук. Сайт бронирования авиабилетов. Паспорт гражданки Петровой Марии Эдуардовны. Данные введены автоматически — пальцы сами знали, что делать.

Бизнес-класс. Место у окна. Оплата баллами программы лояльности авиакомпании, украденными год назад у Ильи Марковича в качестве мелкой мести за заниженную премию. Идеальный круговорот справедливости.

Билет подтвержден. Посадочный талон упал на почту. Женева. Аэропорт Куантрин.

Мира подошла к зеркалу в ванной. На нее смотрела женщина с лицом мраморной статуи. Дорогой костюм остался лежать на полу в гостиной. Сейчас на ней была только старая футболка. Броня серва осталась в прошлом. Предстояло надеть кожу бога.

Она вернулась в гостиную. Достала из ящика комода две вещи.

Маленькую флешку Макса. И тяжелые очки брата.

Она положила их в дорожную сумку Tumі из салона са-

молета, стоящую у двери. Сумка пахла кожей и чужими путешествиями.

Затем она достала из сейфа банковскую ячейку карту ультра-хайнет персоны. Черный пластик без надписей. Лимит — бесконечность. Подарок совета директоров за лояльность. Мира вставила карту в терминал. Вывела баланс. Три миллиарда долларов.

Цифра вызвала приступ тошноты. Это были грязные деньги. Деньги Виктора. Деньги наркотрафика, замаскированного под экспорт удобрений. Деньги войны.

Она зашла в мобильное приложение крупного благотворительного фонда. Раздел «Помощь клиникам третьего мира».

Перевод: \$3,000,000,000.

Назначение платежа: «Анонимно. На закупку оборудования для детской психиатрии».

Подтверждение перевода.

Баланс: \$0.00.

Мира убрала бесполезный кусок черного пластика в измельчитель документов. Аппарат с удовольствием пожевал золото олигархов и выплюнул белую пыль.

Она села на пол, скрестив ноги. Прямо на холодный пар-

кет. Закрыла глаза.

Семнадцать лет она считала трещины. Семнадцать лет искала выход из комнаты.

Выход оказался люком в полу, ведущим в ледяную воду океана.

Она открыла глаза. Посмотрела на часы. 00:01.

Полночь. Начало следующего дня. Начала следующей жизни.

Мира встала. Прошла в спальню. Достала из шкафа вешалку.

Повесила на нее бабушкин красный шарф.

Он больше не был символом боли. Он был флагом. Знаменем армии, состоящей из одного солдата. Армии архитекторов.

Она вышла из квартиры, оставив дверь открытой настежь. Пусть сквозняк выдует запах дешевого кофе и страха.

Вызвала лифт.

Спускаясь вниз, она смотрела на свое отражение в нержавеющей стали дверей.

Отражение улыбалось. Впервые за двадцать восемь лет искренне.

Кредит закрыт.

Начальник уволен.

Мир сломан.

Самое время его чинить.

****Часть четвертая: Архитектор в Женеве****

Аэропорт Куантрин пах озоном, дорогим парфюмом и стерильным отчаянием. Мира стояла у панорамного окна зоны выдачи багажа, наблюдая за тем, как тяжелые капли альпийского дождя расчерчивают стекло на идеальные геометрические фигуры. В Москве осталась серая осень, съемная студия и должность вице-президента банка — красивая надгробная плита на могиле её прошлой жизни. Здесь, в Швейцарии, было чисто до неприличия. Воздух казался профильтрованным через марлю.

Она прилетела сюда никем. Багаж состоял из одной сумки Timi, внутри которой лежали две смены белья, старый ноутбук Макса и тяжелый металлический футляр с очками «Горизонт» и их чудовищным прародителем — системой брата. На банковской карте, выданной ей Анной вместе с координатами ангара, лежало пятьдесят тысяч евро наличными — сумма, которая здесь воспринималась как чаевые таксисту.

Мира поправила лацканы простого бежевого тренча. Никаких брендов, никаких логотипов. Одежда человека-функ-

ции. Она выглядела как переводчик ООН или ассистентка среднего звена в крупной фармацевтической компании. Именно такой уровень невидимости требовался для входа в логово архитектора.

Телефон в кармане завибрировал. Сообщение от скрытого ID, не привязанного ни к одной вышке связи. Текст был предельно лаконичен:

> *«Черный Audi Q8. Парковка Р3. Уровень минус два. Не оглядывайся».*

Мира взяла свой чемодан. Колеса вращались абсолютно бесшумно по полированному мрамору — швейцарская инженерия даже в бытовых вещах вызывала у неё профессиональный восторг тестировщика. Лифт спустил её в подземную утробу паркинга. Запахло резиной, холодным бетоном и выхлопными газами премиальных двигателей.

Уровень минус два напоминал операционную. Идеальное освещение, ряды одинаковых машин. Черный матовый внедорожник стоял третьим от выезда, перегораживая полосу. Дверь со стороны пассажира открылась сама, когда Мира подошла на расстояние пяти метров. Внутри царил полумрак.

— Садись, — голос Анны звучал ровно, без вчерашней хрипотцы курильщика. Теперь это был чистый инструмент

управления.

Мира села, бросив сумку на колени. Дверь захлопнулась с глухим чавканьем герметика, отрезая шум дождя. За рулем сидел мужчина неопределенного возраста — гладко выбритый, с шеей борца и глазами глубоководной рыбы. Он смотрел строго вперед, его руки в кожаных перчатках покоились на руле в положении «десять и два».

Анна сидела сзади. На ней был темно-серый кашемировый костюм. Никакого золота, никаких бриллиантов. Но ткань стоила больше, чем годовая зарплата всего IT-отдела старого банка Мира. От неё пахло горьким миндалем и властью.

Машина тронулась так плавно, что инерции не возникло вовсе. Они проехали мимо шлагбаума. Охранник козырнул, даже не взглянув на номера.

— Ты перевела три миллиарда анонимно, — сказала Анна вместо приветствия. Это не был вопрос. — Банк заморозил транзакцию через семь секунд после твоего выхода из квартиры. Служба безопасности РосАктива сейчас роет носом землю, пытаясь найти отправителя. Твоя цифровая подпись была безупречной. Использовала дыру в протоколе SWIFT 2024 года, которую забыли залатать. Гениально. И

очень громко.

— Я не люблю долги, — ответила Мира, глядя в окно. Они выехали на автобан. Скорость ощущалась только по мельканию фонарей. — Особенно грязные.

— Чистюля в канализации, — усмехнулась Анна. — Макс таким не был. Он жил там. Считал грязь питательной средой. Поэтому он сейчас в Непале спасает детей, а ты сидишь здесь. Вы оба умеете видеть код, но он выбрал роль сантехника, а ты решила стать инженером.

— Где мой брат? — спросила Мира в третий раз за последние сутки.

— Потерпи двадцать минут, — Анна откинулась на сиденье. — Сначала мы должны обсудить правила игры. Ты теперь работаешь на меня. Формально твоя должность называется «Специалист по оценке системных рисков консалтинговой группы Eidolon». Фактически — ты моя левая рука. Та самая, которая бьет, пока правая подписывает благотворительные чеки.

— Какова зона ответственности?

— Весь мир, — просто ответила Анна. — Мы занимаемся превентивной коррекцией глобальных рынков. Устинов думает, что я управляю его частными инвестициями. На самом деле я держу нож у сонной артерии мировой экономики. А ты будешь подсказывать мне, куда именно давить.

Мира молчала, переваривая масштаб. Превентивная кор-

рекция. Красивый эвфемизм для контролируемого хаоса.

— Почему я? — она повернулась к Анне. — У вас есть доступ к алгоритмам моего брата. Зачем вам сломанная девочка из техподдержки?

— Потому что алгоритмы Макса видят паттерны, — Анна наклонилась чуть ближе. В полумраке салона её лицо казалось высеченным из камня. — Они предсказывают падение акций из-за засухи в Африке или панику на бирже из-за твита. Холодная математика. Мой покойный муж Михаил построил свою империю на страхе. Он понимает язык силы. Александр покупает лояльность ценой страха быть бедным.

— А ты?

— Я понимаю язык архитектуры, Мира. Но мои чертежи устарели. Мир стал слишком сложным. Появился новый вид угрозы. Те самые паразиты, о которых я говорила. Люди вроде Александра. Они создали «Горизонт» не ради денег. Деньги для них — лишь побочный продукт. Они торгуют деривативами реальности. Их цель — сделать так, чтобы люди сами просили надеть на себя цифровой поводок. Продать безопасность взамен на свободу воли.

— И вы хотите использовать меня, чтобы уничтожить их систему, — догадалась Мира.

— Нет, — качнула головой Анна. — Уничтожить — значит создать вакуум, который заполнит кто-то похуже. Мы хотим переписать их прошивку. Сделать так, чтобы система ра-

ботала на людей, а не жрала их. Для этого нужен архитектор, который ненавидит баги всей душой. Который считает любую ложь критической ошибкой ядра. Ты идеальный кандидат, потому что твоя эмпатия выжжена дотла. Ты смотришь на плачущего ребенка и видишь сбой в распределении ресурсов организма. Нам нужно именно это.

Автомобиль свернул с автобана на узкую дорогу, уходящую вверх, в горы. Покрытие сменилось на идеально подогнанный гравий. Деревья смыкались над дорогой, превращая путь в зеленый тоннель.

Они въехали в массивные чугунные ворота, которые открылись внутрь скалы. Бункер. Настоящий современный феодальный замок.

Кабинет Анны находился глубоко под землей, но благодаря голографическим экранам и системе климат-контроля создавалось полное ощущение, что они сидят на вершине Эвереста. Одна стена была полностью стеклянной — одно-стороннее зеркало, выходящее в огромный дата-центр. Сотни серверных стоек мерцали синим светом, издавая низкий, вибрирующий гул. Сердце системы.

Анна подошла к бару, налила в два тяжелых стакана ян-

тарную жидкость. Протянула один Мире.

— Односолодовый. Сорок лет. Стоит как почка.

Мира взяла стакан. Алкоголь обжег горло, растекаясь по венам жидким огнем. Впервые за долгое время она позволила себе расслабиться настолько, чтобы почувствовать вес стекла в руке.

— Твой первый брифинг, — Анна активировала голопроектор. Между ними повисла трехмерная модель земного шара, опутанная светящейся паутиной связей. — Цель номер один. Нефтяные активы семьи Устиновых. Вернее, то, во что они превратились.

Красные нити вспыхнули над Россией и Ближним Востоком.

— Михаил стареет. Его параноя достигла клинического уровня. Он начал выводить реальные деньги из нефти в биохакинг и генную терапию. Он хочет жить вечно, Мира. Проблема в том, что вечность стоит дороже, чем все скважины мира. Ему нужны триллионы. Чтобы получить их, ему нужна легализация активов. IPO его нового фонда здоровья назначено на следующий месяц. Если рынок узнает, откуда ноги растут у его капиталов...

— Акции рухнут, — закончила Мира. — Система «Скрытый скоринг», адаптированная под институциональных инвесторов, пометит его фонд тегом `[НЕВОЗВРАТ]` еще на этапе пресейла.

— Именно, — кивнула Анна. — Но если пустить это на самотек, пострадают миллионы мелких вкладчиков. Пенсионные фонды. Страховые компании. Хаос нам не выгоден. Нам нужен хирургический разрез.

— Что конкретно требуется от меня?

— Найти точку отказа в его архитектуре бессмертия, — Анна вывела на экран досье. Фотография мужчины с жестким лицом хищника. Михаил Устинов. Рядом — фото девушки-подростка с огромными, испуганными глазами. Анастасия. — Его дочь находится в закрытой клинике в Монтрё. Депрессия, анорексия, попытки суицида. Классическая болезнь золотой молодежи. Папочка тратит на неё миллионы. Лучшие врачи. Психиатры. Ничего не помогает.

— Потому что они лечат симптомы, — Мира прищурилась, всматриваясь в медицинскую карту девочки, выведенную рядом. — Они пытаются исправить биохимию мозга препаратами. Но мозг здоров. Болеет душа. Девочка ненавидит отца. Каждая таблетка напоминает ей о том, чья кровь течет в её жилах. Её психоз — это этически чистый отказ системы взаимодействовать с вредоносным кодом родителя.

— Можешь перевести это на человеческий? — сухо спросила Анна.

— Она знает, что он убийца, — прямо посмотрела ей в глаза Мира. — Дети всегда знают. Её депрессия — это аутоиммунная реакция совести. Пока она жива и нестабильна, Михаил уязвим. Как только она умрет или окончательно сой-

дет с ума — он закроется броней цинизма и станет неуязвим.

— Значит, девочку нужно стабилизировать? — уточнила Анна.

— Нет, — отрезала Мира. — Стабилизировать — значит продлить жизнь отцу. Ей нужно дать оружие.

Мира встала. Прошлась вдоль ряда серверов. Провела пальцем по холодной стали стойки. Чувство абсолютной власти, которое она испытывала в банке, вернулось, но теперь оно было острее. Там она владела деньгами. Здесь она владела судьбами.

— Я внедрюсь в клинику, — продолжила она. — Не как хакер. Как пациентка. Богатая наследница с расстройством адаптации. Я дам Насе то, чего не даст ни один психиатр. Контекст. Я покажу ей структуру империи отца. Дам прочитать сырые логи сделок. Пусть посмотрит, сколько детских жизней стоит каждая ампула антидепрессанта, которую ей колют в вену.

— Ты хочешь радикализировать подростка, — голос Анны стал тише.

— Я хочу дать ей смысл, — Мира обернулась. — Когда человек понимает, почему ему больно, боль становится топливом. Мы переведем её депрессию в ярость. Контролируемую, холодную ярость инженера. Она станет нашим инсайдером. Через неё мы получим доступ к личным ключам шифрова-

ния Михаила. Тем самым, которыми он подписывает переводы своих теневых миллиардов.

— Это опасно. Если Устинов поймет, что дочь работает против него...

— Он её убьет, — спокойно закончила Мира. — Или попытается. Но к тому моменту ключи уже будут у нас, а копии данных лежать в десяти юрисдикциях. Мы возьмем его за горло раньше, чем он успеет нажать на спуск. Это блеф космического масштаба, Анна. И играть будем мы вдвоем.

Анна долго смотрела на неё. Затем медленно улыбнулась. Впервые за всё время эта улыбка коснулась её глаз, сделав её почти красивой.

— Вот поэтому Макс тебя и любил, — тихо сказала она. — За эту ледяную математическую жестокость, замаскированную под здравый смысл. Хорошо. Клиника Montreux Palase ждет новую пациентку завтра. Имя — Елена Воронова. История болезни подготовлена. Врачи куплены.

— Мне понадобятся инструменты, — Мира поставила пустой стакан на стол. Звук вышел сухим и окончательным.

— Лаборатория внизу, — Анна кивнула в сторону лифта. — Полный доступ к оборудованию. Серверы квантовых вычислений. Исходники «Горизонта» версии ноль-один — те, что твой брат писал до того, как пришел Александр. И... кое-что еще.

Анна подошла к сейфу, вмонтированному в стену за книжным шкафом. Достала оттуда небольшой бархатный мешочек. Подошла к Мире и вложила его ей в ладонь.

Тяжелый. Металлический. Теплый от рук Анны.

Мира раскрыла мешочек.

На черном бархате лежали очки.

Но не промышленные окуляры Макса и не изящный минимализм корпоративного «Горизонта».

Это были линзы хирурга. Тонкая титановая оправа, практически невесомая. Стекла имели едва заметный фиолетовый отлив.

— Третья версия, — сказала Анна. — Проект «Аннабель v.3.1». Макс закончил прототип за неделю до своего исчезновения. Он назвал его «Синтез». Устройство не сканирует реальность. Оно достраивает недостающие переменные, используя коллективное бессознательное сети. Оно видит не то, что есть, а то, что должно случиться, если ничего не менять.

— Предиктивное зло, — выдохнула Мира, боясь прикоснуться к прибору.

— Предиктивная ответственность, — поправила Анна. — Надень их.

Мира замерла. Всю свою жизнь она использовала техно-

логии, чтобы спрятаться от мира или победить его. Сейчас технология предлагала ей увидеть последствия её собственных побед.

Она аккуратно, двумя пальцами, подняла очки. Посмотрела сквозь них на Анну.

Ничего не произошло. Только воздух вокруг головы женщины слегка зарябил, как от жара.

— Им нужен первичный слепок оператора, — пояснила Анна. — Биометрическая калибровка. Посмотри на меня.

Мира надела очки.

Мир погас.

А затем взорвался сверхновой звездой.

Она увидела Анну. Но не женщину в кашемире. Она увидела узел графа. Гигантскую, пульсирующую черную дыру, вокруг которой вращались планеты-государства, спутники-корпорации и астероиды-олигархи.

От этой черной дыры тянулись нити. Миллиарды нитей. Одни были золотыми — потоки капитала. Другие — красными, пульсирующими — реки крови. Третьи — серыми, мертвыми — судьбы людей.

Мира опустила взгляд на свои руки. Сквозь титановую оправу она видела собственные кости. Свою нервную систе-

му, горящую синими синапсами.

А поверх — надпись, пылающая белым пламенем прямо в воздухе:

〔СУБЪЕКТ: МИРА ПЕТРОВА〕

〔СТАТУС: АРХИТЕКТОР〕

〔ТОЧКА НЕВОЗВРАТА ПРОЙДЕНА〕

〔ПРЕДКТИВНЫЙ СЦЕНАРИЙ (T+6 МЕСЯЦЕВ):〕

• [ИНЦИДЕНТ: КОНФЛИКТ С АЛЕКСАНДРОМ | РЕ-
ЗУЛЬТАТ: ЕГО СИСТЕМА УНИЧТОЖЕНА]

• [ИНЦИДЕНТ: ПОКУШЕНИЕ УСТИНОВА НА ДОЧЬ |
РЕЗУЛЬТАТ: АННАСТАСИЯ СПАСЕНА, КЛЮЧИ ПОЛУ-
ЧЕНЫ]

• [ИНЦИДЕНТ: ОБРУШЕНИЕ РЫНКА НЕФТИ | РЕ-
ЗУЛЬТАТ: ТРИЛЛИОНЫ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНЫ]

• [ИНЦИДЕНТ: ГЛОБАЛЬНАЯ РЕЦЕССИЯ | РЕЗУЛЬ-
ТАТ: СИСТЕМА "ГОРИЗОНТ" ЗАПРЕЩЕНА ЖЕНЕВ-
СКОЙ КОНВЕНЦИЕЙ]

• [ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ОПЕРАТОРА: КРИТИ-
ЧЕСКОЕ. ИСТОЩЕНИЕ. ОДИНОЧЕСТВО.]

Мира сорвала очки. Они полетели на мягкий ковер. Руки тряслись так сильно, что она сжала их в кулаки, впиваясь ногтями в ладони до боли. Боль физическая помогла сбросить морок цифрового всемогущества.

— Видишь? — голос Анны прозвучал издалека. — Будущее уже написано. Вопрос только в том, чьим почерком.

— Я там одна, — прохрипела Мира, поднимая глаза на архитектора. — Во всех сценариях. Я теряю всех.

— Ты теряешь пешек, чтобы спасти ферзя, — жестко сказала Анна. — Ферзь — это человечество. То самое, которое брало кредиты в твоём банке и плевало тебе вслед. Ты готова пожертвовать своим одиночеством ради них?

Мира посмотрела на валяющиеся на полу очки. Затем на свои руки. Потом на фотографию Насти Устиновой на экране.

Девочка смотрела с фото затравленным зверенышем. Мира узнала этот взгляд. Так она сама смотрела на оценщика в ломбарде. Так она смотрела на Виктора, когда тот пытался её купить.

Она подняла очки. Стерла с линзы несуществующую пылинку.

— Вызовите машину в аэропорт, — сказала она ровным голосом. — Швейцария встретила меня дождем. Надеюсь, клиника в Монтрё хотя бы предложит хороший кофе. Мне предстоит много работы. Нужно вылечить одну девочку, чтобы убить одного динозавра.

Анна молча кивнула. Она подошла к столу, нажала кнопку

селектора.

— Приготовьте Falcon. Курс на Швейцарию. Время вылета — сорок минут.

Мира направилась к лифту, ведущему в лабораторию. Она шла твердым шагом. Вес очков в кармане тренча ощущался как приговор.

Кредит закрыт. Начальник уничтожен. Старые боги падают.

Архитектор вернулся на стройплощадку. Работа предстояла адская, но, судя по прогнозу устройства Макса, финал того стоил.

****Часть пятая: Клиника «Монтрё Палас»****

Частный джет приземлился в аэропорту Женевы с точностью швейцарского хронометра. Мира не спала ни минуты за время полета. Она сидела в кожаном кресле, глядя на проплывающие внизу облака, и методично изучала медицинскую карту Елены Вороновой — своей новой легенды.

Анна поработала безупречно. Елена была дочерью регионального чиновника из России, скончавшегося полгода назад от внезапной остановки сердца (диагноз, который патологоанатом обычно ставит, когда вскрытие проводить небезопасно для жизни). Наследство в сорок миллионов евро ока-

залось приятным бонусом для клиники, которая согласилась закрыть глаза на отсутствие реальных родственников у пациентки.

— Твоя история болезни гласит: острая реакция на стресс, осложненная селективным мутизмом после смерти отца, — инструктировала Анна перед выходом из самолета. Голос архитектора звучал в наушнике Миры через костную проводимость. — Ты богата, одинока и сломлена. Идеальная кандидатура для элитного санатория. Врачи будут тебя жалеть. Это полезно. Жалость притупляет бдительность лучше любого снотворного.

— А если они решат проверить биографию? — спросила Мира, проверяя замок на сумке, где лежали очки v.3.1.

— Проверят, — кивнула Анна. — И увидят идеальную подделку уровня спецслужб. У тебя есть диплом филфака СПбГУ, страница в соцсетях с фотографиями котов и Парижа, и транзакции благотворительным фондам. Ты скучная богатая девочка, Мира. Спрячь свой интеллект под маску апатии. Лучшая маскировка для гения — это диагноз клинической депрессии.

Автомобиль с тонированными окнами ждал прямо у трапа. Сорок минут езды вдоль берега Женевского озера превратили пейзаж из холодного аэропорта в открытку для миллионеров. Озеро цвета стали, белые лебеди, шато, прячуши-

еся в кипарисах. Воздух пах деньгами и эвкалиптом.

Клиника «Монтрё Палас» выглядела как дорогой отель сети Four Seasons, фасад которого забыли украсить кричащими вывесками. Никакой колючей проволоки, никаких решеток на окнах. Только идеально подстриженные газоны и вежливые санитары, больше похожие на сотрудников Apple Store.

Миру встречал главный врач — доктор Хельмут Вебер. Мужчина лет шестидесяти, с лицом вырезанным из старого дуба и руками пианиста. Его синий костюм стоил дороже годового бюджета районной больницы.

— Фрау Воронова, — он склонил голову в безукоризненном поклоне. — Мы глубоко скорбим о вашей утрате. Потеря родителя в столь юном возрасте — это всегда травма приязнанности высшего порядка. Но здесь мы вернем вам почву под ногами.

— Надеюсь, почва будет ортопедической, — тихо ответила Мира, пряча взгляд. — Я ненавижу мраморный пол, от него звенит в ушах.

Доктор Вебер едва заметно улыбнулся краешком губ. Профессиональная деформация позволила ему считать этот симптом сразу: гиперчувствительность сенсорных систем,

классический признак надвигающегося нервного истощения.

— Ваша комната выходит окнами на восток, — сказал он. — Солнце будит мягко, спектр ламп подобран индивидуально под ваш хронотип. Никакого синего света после заката. Ваш цифровой детокс начинается сейчас.

Улыбчивый ассистент забрал у Миры смартфон. Для обычного человека это был бы стресс. Мира почувствовала лишь облегчение. Одну линию связи обрубил, осталось построить свои.

Палата напоминала номер люкс. Паркет из карельской березы, минималистичная мебель, огромная кровать. Единственное отличие от отеля — отсутствие дверных ручек изнутри и скрытые камеры в углах потолка. Впрочем, для Миры слепых зон не существовало.

Она положила сумку на кресло. Достала тяжелый металлический футляр. Открыла его. Очки v.3.1 тускло блеснули титаном. Рядом лежали обычные, громоздкие очки брата — её старый верный сканер реальности.

Сначала нужно провести разведку физическим зрением.

Мира надела старые очки. Мир привычно моргнул, покрываясь багровой сеткой интерфейса `ANABELLE v.2`.

Она подошла к стене. Направила взгляд на вентиляционную решетку.

[ОБЪЕКТ: Решетка HVAC. Материал: Анодированный алюминий. Статус: Демонтаж без шума = 4 секунды].

Направила на дверь.

[ОБЪЕКТ: Замок MAG-7. Класс защиты: В. Резервное питание: независимая батарея | Срок автономности: 72 часа].

Направила взгляд сквозь стену, используя тепловизионный режим.

Коридор пуст. Санитар сидит за пультом в конце коридора, читает спортивную сводку. Пульс ровный. Уровень угрозы нулевой.

Мира сняла очки. Положила их во внутренний карман пальто, которое повесила в шкаф. Затем она взяла прибор версии 3.1.

Они оказались почти невесомыми. Холодные дужки коснулись висков.

Ничего не произошло. Не было вспышек, не было загрузки кода. Линзы казались просто качественным фотохромом.

— Тестовый запуск, — прошептала Мира.

Система молчала. Протокол Макса требовал калибровки.

Ей нужен был объект. Сложный, эмоционально заряженный объект.

Ее взгляд упал на планшет, оставленный доктором Вебером на тумбочке. На экране светилось расписание процедур: *09:00 — Арт-терапия. 11:00 — Когнитивно-поведенческая терапия. 15:00 — ЭМС-стимуляция.*

Мира усмехнулась. Мясорубка для мозгов среднего класса.

Она подошла к огромному панорамному окну. Вид открывался захватывающий: озеро, горы, парусники. Идиллия.

Она прижалась лбом к холодному стеклу. Закрыла глаза. «Давай, братец, — подумала она. — Покажи мне, как всё должно быть».

Очки активировались мгновенно. Без предупреждения. Звук исчез. Полностью. Остался только низкий гул крови в ушах.

Цвета поблекли, превратившись в оттенки сепии, поверх которых легла прозрачная калька вероятностей.

Там, за стеклом, где должна была быть гладь озера, теперь висела гигантская структура данных.

Озеро было пронизано красными нитями. Каждая нить — сброс отходов фармацевтического гиганта Novartis. Плотность загрязнения: критическая. Рыба в этом озере давно

умерла, но благодаря инъекциям стволовых клеток и синтетическому корму продолжала плавать, создавая иллюзию жизни для туристов.

Горы испещрены зелеными зонами. `[ЗОНА ОТЧУЖДЕНИЯ. ПОДЗЕМНЫЕ БУНКЕРЫ ДЛЯ VIP-КЛИЕНТОВ НА СЛУЧАЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ПАНДЕМИИ]`.

А сам отель «Монтрё Палас», внутри которого она стояла, пульсировал густым, маслянисто-черным цветом.

`[ИНСТИТУЦИЯ: ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ КЛИНИКА "MONTREUX PALACE"]`

`[РЕАЛЬНЫЙ СТАТУС: ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНИЯ АКТИВАМИ НЕВИДИМЫХ НАСЛЕДСТВ]`

`[ОСНОВНАЯ ФУНКЦИЯ: ЛЕГАЛИЗАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ "ЧЕРНЫХ" ДЕНЕГ ЧЕРЕЗ ОПЛАТУ СВЕРХДОРОГИХ МЕДИЦИНСКИХ СЧЕТОВ]`.

Мира отшатнулась от окна. Сердце ударило в ребра. Система показывала не будущее. Она показывала *подкладку* настоящего. Ту правду, которую люди отказываются видеть, чтобы не сойти с ума.

Она перевела взгляд на свою руку. Кожа стала полупрозрачной. Сквозь неё мерцал сложный механизм костей и вен. Надпись парила в воздухе:

`[СУБЪЕКТ: МИРА]`

`[БИОМЕТРИКА: ИДЕАЛЬНА]`

«ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ: ОПАСНОСТЬ. УРОВЕНЬ ЭМПАТИИ К РЯДОВЫМ ЮНИТАМ: -4% (НИЖЕ КРИТИЧЕСКОЙ ОТМЕТКИ)».

Очки оценивали её саму как брак системы. Инструмент, лишенный слабостей.

Мира выдохнула. Глубоко, считая до четырех, как учил Макс в детстве, когда у неё случались панические атаки. Раз-два-три-четыре. Паника отключилась. Включился процессор.

Она снова посмотрела на окно. Переключила фильтр. Теперь её интересовала только одна переменная.

Настя Устинова.

Девушку она нашла в восточном крыле. Третий этаж. Окна выходят на глухую стену соседнего здания — классическое решение для предотвращения суицидов. Комната Насти выделялась на тепловой карте красным пятном воспаленной агрессии.

Мира переключила протокол очков на «Эмпатическое эхо». Самый опасный режим прототипа. Он позволял не просто видеть данные, а чувствовать резонанс чужих нейронов.

Стена перед глазами растворилась. Мира увидела комна-

ту.

Настя лежала на кровати, уставившись в потолок. Девушке было семнадцать, но выглядела она на все двадцать пять — лицо осунувшееся, кожа бледная до синевы. На тумбочке гора таблеток. Антидепрессанты, транквилизаторы, нейролептики. Химический суп.

Мира видела мир глазами девочки. Благодаря очкам Мака она чувствовала текстуру больничного одеяла — жесткого, царапающего. Чувствовала тошнотворный сладковатый запах дезинфекции. Чувствовала тяжесть в руках, свинцовую невозможность поднять даже веки.

Но глубже этого физического распада Мира увидела структуру. Код души Насти.

Он представлял собой идеальный лабиринт Минотавра. Каждый коридор заканчивался тупиком с надписью «Отец». Любовь Михаила убивала дочь эффективнее яда, потому что это была любовь собственника. Он лечил её тело, пытаясь починить поломку, которой там не было. Настя сходила с ума не от химии мозга. Она сходила с ума от когнитивного диссонанса: отец убивает людей ради денег -> отец покупает ей платья -> значит, платья сделаны из кожи убитых людей. Логика ребенка абсолютно чиста и убийственна.

Внезапно Настя повернула голову. Её затуманенные лекарствами глаза смотрели прямо в камеру наблюдения в углу

комнаты. Но сквозь линзы очков казалось, что она смотрит прямо на Миру.

Девушка медленно подняла тонкую руку. Прижала два пальца к губам. Жест тишины.

Затем её губы дрогнули. Она не произнесла звука, но система распознавания речи в очках подсветила фразу кроваво-красным:

‘[НЕ НАДО. ОНИ СЛЫШАТ.]’

Связь оборвалась. Стена вернулась на место. Очки выключились с тихим щелчком предохранителя, сбрасывая напряжение. Мира осталась стоять посреди пустой палаты, тяжело дыша. По щеке текла капля пота.

Прототип бил по мозгам отбойным молотком. Использовать его дольше пяти минут подряд означало получить инсульт или слить собственную личность в сеть навсегда.

В дверь постучали.

— Время обеда, фрау Воронова, — раздался мягкий голос медсестры. — Сегодня ваше любимое: киноа с авокадо и отварная спаржа. Никаких аллергенов.

Мира стерла слезу рукавом. Подошла к зеркалу. Посмотрела на свое отражение. Обычное лицо. Немного бледное. Темные круги под глазами можно списать на джетлаг. Никто

не узнает, что десять секунд назад она заглянула в ад чужой наследственности.

Она открыла дверь. Медсестра лучезарно улыбнулась, протягивая таблетницу.

— Ваши витамины, дорогая. Доктор Вебер настаивает на приеме Омега-3. Для нервных окончаний.

Мира молча взяла пластиковый стаканчик. Высыпала содержимое в ладонь. Горсть разноцветных пилюль. Скорбь утраты, радость жизни, спокойствие сна. Капсулы весело блестели под светом люстры.

Она занесла руку, делая вид, что собирается проглотить их.

Взгляд её метнулся обратно к лицу медсестры. За доброжелательной маской скрывался другой слой. Мира прищурилась, вызывая интерфейс старых очков прямо на сетчатку, поверх линз v.3.1. Картинка поплыла, двоиться, но информация проступила четко:

Над головой медсестры вспыхнул тег:
[СУБЪЕКТ: ИНГРИД. ИДЕНТИФИКАТОР: МЕД-
БРАТ_ПОКРОВИТЕЛЬ]
[СТАТУС: НЕЙТРАЛИЗОВАНА ФАРМАКОЛОГИЧЕ-
СКИ]
[АКТИВНОСТЬ: Передача микродоз LSD через вита-

минный комплекс пациенту №4 (Настя) | Заказчик: Михаил Устинов | Цель: Купирование приступов ярости, перевод пациента в состояние овоща]`

[УРОВЕНЬ ЛЖИ: 100%. ВЕРИТ В ТО, ЧТО СПАСАЕТ ДЕВУШКУ].`

Мира смотрела на таблетки в своей руке. Те самые, которые должны были превратить Настю в растение. Те самые, которые сейчас предлагали ей.

Фармацевтическая матрешка. Наркотик внутри лекарства от стресса.

Медсестра Ингрид чуть нахмурилась, заметив паузу.

— Вам плохо, фрау Воронова?

Мира закрыла ладонь. Сжала таблетки так, что дешевый пластик хрустнул. Осколки впились в кожу.

Боль была острой, реальной и очень приятной.

— Нет, Ингрид, — голос Миры прозвучал неожиданно низко и спокойно. — Мне замечательно. Просто я поняла одну вещь.

Она разжала кулак прямо над дорогим персидским ковром. Цветные капсулы просыпались дождем.

— Мой отец умер от того, что слишком много доверял врачам. Я же предпочитаю читать состав.

Мира прошла мимо опешившей медсестры в столовую. Оставила рассыпанные таблетки лежать на ковре — маленькая химическая бомба замедленного действия, которую клиника завтра найдет при уборке и замнет грандиозный скандал.

Она села за столик у окна. Ей принесли минеральную воду без газа.

Мира смотрела на блики солнца на воде. Поверх них очки рисовали схему сточных вод.

Она сделала глоток ледяной воды. Зубы заломило.

Первый день в клинике подошел к концу.

Разведка проведена. Враг идентифицирован. Не психиатр-неудачник и не глупая медсестра. Враг — любящий отец с миллиардами долларов, который решил убить дочь нежно, экологически чистым способом, чтобы спасти остатки своей совести.

Мира достала из сумки блокнот в кожаной обложке и старую перьевую ручку — ту самую, украденную у Виктора. Щелчок колпачка прозвучал в тишине столовой как выстрел.

Она открыла чистую страницу.

Заголовок гласил: **«План терапии. Пациент: Анастасия Устинова. Архитектор: Мира Петрова»**.

Ниже шли три пункта, написанных четким, каллиграфическим почерком:

1. Отмена фармакологии.
2. Экспорт правды.
3. Перевод диагноза «Клиническая депрессия» в статус «Обоснованная ненависть».

Мира улыбнулась своему отражению в ложечке для сахара.

Лечение начиналось сегодня ночью.

****Часть шестая: Экспорт правды****

Ночь в «Монтрё Палас» наступала по расписанию. В 22:00 мягкий свет в коридорах сменялся на глубокий синий, имитирующий сумерки, а автоматические шторы бесшумно отрезали палаты от темного зеркала озера. Для пациентов это был сигнал к принудительному покою. Для Миры — время начала рабочего дня.

Она лежала в своей кровати, глядя в потолок из сандалового дерева. Сон не входил в её регламент последние трое суток. После того как она рассыпала таблетки Ингрид, клиника перешла в режим легкой паники. Доктор Вебер лично посетил её вечером, обеспокоенный «отказом от поддержи-

вающей терапии». Мира разыграла блестящую истерику со слезами и обвинениями в заговоре персонала, после чего потребовала полной изоляции от любых медикаментов. Ошарашенный врач согласился, списав всё на паранойю богатого сироты. Лучшая маскировка — это та, которую пациент выбирает сам.

Как только замок двери щелкнул, подтверждая начало ночного обхода охраны, Мира села.

Её план требовал хирургической точности. Она больше не была просто тестировщиком багов; Анна заставила её мыслить категориями системных обновлений. Нельзя просто зайти в комнату Насти и сказать: «Твой отец — монстр». Это вызовет защитный сброс системы (психоз). Нужно было создать патч, который перепишет ядро личности девочки изнутри.

Мира достала из-под матраса свой арсенал. Старые очки брата висели на шее. На прикроватной тумбочке лежал тонкий графитовый стержень — стило для работы с голографическими интерфейсами. И самое главное — микродиск SSD размером с таблетку аспирина. Внутри него находился вирус, написанный Максом три года назад специально для взлома закрытых нейросетей элитных клиник. Мира назвала его «Прозак-два-точка-ноль».

Она надела старые очки. Мир моргнул красным. Интерфейс `ANABELLE v.2` загрузился поверх реальности.

Взгляд на дверь:

〔ЗАМОК: MAG-7. СТАТУС: ОБХОД ЧЕРЕЗ ШИМ-РАЗГОВОР С КОНТРОЛЛЕРОМ = 1.2 СЕКУНДЫ〕.

Взгляд на камеру в углу:

〔ОБЪЕКТ: ОПТИКА SONY PRO. СЛЕПОЕ ПЯТНО: УГОЛ 14 ГРАДУСОВ НИЖЕ ЛИНЗЫ. ЗАПИСЬ ЦИКЛИЧНА КАЖДЫЕ 6 ЧАСОВ. ТЕКУЩАЯ ТОЧКА СБРОСА: 03:15〕.

Сейчас было 01:40. Время есть.

Мира подошла к вентиляционной решетке. Тонкие пальцы нащупали скрытые защелки. Конструкция поддавалась без звука. Воздуховод пах озоном и пылью. Протиснуться внутрь для неё, привыкшей лазать по кабель-каналам серверных В-12, было делом пяти минут. Стальная кишка вывела её прямо над потолком восточного крыла.

Она замерла, прислушиваясь. Под металлическим листом слышалось тихое жужжание аппарата ИВЛ (здесь держали совсем тяжелых) и мерное дыхание других «золотых» больных. А затем — тишина комнаты Насти. Но эта тишина была неправильной. Сквозь бетон и дерево Мира чувствовала вибрацию страха.

Она активировала сканер тепла. Над головой девушки пульсировало тусклое красное пятно. Высокая температура. Организм боролся с остатками LSD, которые Ингрид успела впрыснуть ей до обеда вместе с минеральной водой. Девочку сейчас должно тошнить, у неё должны бегать мурашки по коже. Идеальное состояние для внедрения новой реальности — критическая точка уязвимости психики.

Мира достала гибкий эндоскоп с камерой на конце. Пропустила тонкую трубку сквозь микро-стык декоративной панели потолка прямо в палату Насти. Картинка вывелась на внутреннюю поверхность линз очков.

Девушка сидела на полу, обхватив колени руками. Её билась крупная дрожь. Взгляд был прикован к стене, где тени от деревьев за окном складывались в лица мертвецов. Классический флэшбэк.

Рядом на тумбочке стояла бутылка воды. Та самая, которую принесла новая медсестра два часа назад. Мира навела фокус на крышку. Микроскопический прокол иглой шприца виднелся идеально четко. Доза была лошадиной. Михаил Устинов хотел гарантий. Он платил клинике миллионы не за лечение дочери, а за её полное отключение от реальности.

— Хватит прятаться, — прошептала Мира экрану. — Пора работать.

Она подключила планшет к пожарной сигнализации здания через протокол Bluetooth Low Energy, используя уязвимость замка своего собственного сейфа в комнате (стандартная ошибка инсталляторов — мастер-пароли везде одинаковые).

Резервный аккумулятор планшета тихо загудел. Мира запустила скрипт Макса.

«Прозак-два-точка-ноль» начал медленно, капля за каплей, просачиваться в локальную сеть клиники.

Интерфейс перед глазами Миры расцвел строками кода. Она видела то, что недоступно человеческому глазу: поток данных видеонаблюдения, графики пульса пациентов, логи выдачи ключей доступа.

И глубже всего — медицинскую базу данных. Закрытую область мозга «Монтрё Палас», куда имели доступ только доктор Вебер и Михаил Устинов через зашифрованный канал.

Мира ввела пароль Виктора С., украденный ею месяц назад во время их последней встречи. Система банка приняла биометрию финансового директора даже здесь, в швейцарских Альпах. Криптовалютные счета имеют долгую память.

[ДОСТУП РАЗРЕШЕН. УРОВЕНЬ: АДМИНИСТРАТОР ФИНАНСОВОГО ОТДЕЛА].

Этого хватило. Серверы клиники считали запрос легитимным финансовым аудитом страховых случаев.

Перед внутренним взором Миры раскрылось досье Анастасии Устиновой.

Обычный психиатр увидел бы там диагнозы: *F20.3 (Недифференцированная шизофрения), F33.2 (Рекуррентное депрессивное расстройство тяжелой степени)*.

Мира видела другое. Она переключила оптику на анализ метаданных прикрепленных файлов.

Видео сеансов терапии. Аудиозаписи разговоров с отцом.

Она открыла файл `Mikhail\_Video\_Log\_04.mp4`.

Михаил сидел в кресле своей московской гостиной. На коленях у него лежал тот самый тяжелый металлический футляр, близнец которого сейчас стоял открытым на кровати Миры. Только внутри его экземпляра лежали не прототипы, а готовые устройства «Горизонт» корпоративной версии.

— Ты должна принять лекарство, милая, — говорил он в камеру ласковым голосом, которым обычно отдают приказы о ликвидации конкурентов. — Доктор Вебер говорит, это поможет тебе спать. Тебе нужно поспать, Настя. Папа готовит для нас новый мир. Очень красивый сад. Там никто не будет плакать.

Мира увеличила громкость. Затем наложила фильтр

очистки звука. Отсекла фоновый шум камина.

Из динамиков планшета полился едва уловимый высокочастотный писк. Инфразвук. Субсенсорное внушение. Устройство Михаила работало даже через видеозапись. Он программировал дочь на подчинение дистанционно, пока они разговаривали по видеосвязи.

— Вот значит как, папочка, — губы Миры искривились в злой усмешке. — Ты решил превратить мою девочку в послушного зомби? Забавно. Мы используем твои же инструменты против тебя.

Она скопировала этот аудиокод. Выделила ту часть частоты, которая отвечала за подавление воли. Развернула фазу сигнала на 180 градусов. Получился акустический антидот — волна, которая при столкновении с оригиналом вызывает резкий когнитивный диссонанс и выброс адреналина вместо сонливости.

Мира направила узконаправленный лазерный эмиттер, встроенный в браслет часов, на динамик телевизора в палате Насти. Телевизор был выключен, но блок питания работал в режиме ожидания. Лазер передал микроколебания на мембрану динамика. Звук вышел беззвучным для человеческого уха, но мозг воспринял его напрямую через костную проводимость.

Настя на экране эндоскопа дернулась. Её затуманенные глаза внезапно прояснились. Красные пятна психоделического трипа отступили. Она резко повернула голову и посмотрела точно в тот угол потолка, где скрывалась камера Миры.

Девушка ничего не видела физически, но её инстинкты кричали об опасности.

Мира действовала быстро. Она открыла защищенный чат-клиент, интегрированный в систему умного дома клиники. Создала аккаунт с ником `[SYSTEM\_NULL]`. Отправила сообщение на планшет Насти, который оставили на зарядке у кровати.

Экран планшета вспыхнул. Девушка вздрогнула. Медленно, словно боясь разбить саму себя пополам, она протянула руку и коснулась стекла.

Текст сообщения гласил:

> *«Они смотрят. Они слушают. Даже когда темно. Особенно когда темно. Твой отец использует частоту 18.5 Гц. Она выжигает твой гиппокамп. Я отключила её на пять секунд. Запомни ощущение ясности. Оно настоящее. Всё остальное — ложь. Завтра в саду. Четвертая скамейка слева. Принеси свою бутылку воды. Не пей из рук Ингрид. Повтори».*

Мира ждала. Сердце отсчитывало секунды. Если девочка испугается и нажмет кнопку вызова санитаров — операция провалена. Если проигнорирует — она уже овощ, и тратить на неё силы нет смысла.

Настя огляделась. Провела рукой по волосам. Затем её тонкие пальцы медленно отстучали ответ по стеклу:

> *«Где ты?»*

Ни криков, ни паники. Сухой вопрос инженера, обнаружившего несанкционированный доступ к своему терминалу.

Мира улыбнулась в темноте воздуховода. База данных загружена. Нейронная связь установлена. Узел принят в сеть.

Она напечатала:

> *«Я архитектор твоей тюрьмы. Жди инструкций завтра. Бутылка воды — ключ. Код подтверждения — слово "Устинов" наоборот».*

Пальцы девушки замерли над клавиатурой. Она поняла. Поняла уровень игры.

Ответ пришел через десять секунд:

> *«ВисинуТу. Принято».*

Мира закрыла сессию. Стерла логи входа из памяти сер-

вера клиники. Выдернула эндоскоп. Задвинула панель вентиляции на место.

Она вернулась в свою комнату тем же путем за две минуты до планового сброса записи камер наблюдения.

Упав на кровать, она наконец позволила себе закрыть глаза. Адреналиновый отходняк бил по мышцам мелкой дрожью. Использование протокола Анны вкушло почти четверть резерва её собственных сил.

Но на внутренней стороне век, оставаясь даже без очков, горела зеленая строка успеха:

«[ОПЕРАЦИЯ: ЭКСПОРТ ПРАВДЫ]»

«[СТАТУС: ЗАВЕРШЕНО]»

«[УЗЕЛ: НАСТЯ | СТАТУС: АКТИВЕН | ЛОЯЛЬНОСТЬ: 98%]»

Мира провалилась в черную пустоту сна без сновидений ровно в ту секунду, когда таймер на сервере безопасности отеля показал 03:15 и перезаписал пустой сектор видеоархива.

****Часть седьмая: Четвертая скамейка****

Утро в «Монтрё Палас» началось с сирены. Не пожарной, а психологической — пронзительного ультразвукового

свистка, которым персонал созывал пациентов на утреннюю проверку витальности. Мира проснулась за секунду до звука, её внутренний хронометр синхронизировался с циклами обхода охраны.

Она открыла глаза. Потолок из сандалового дерева казался чужим. Тело ныло после ночи в вентиляции, но мозг работал на частотах чистого кристалла. Она чувствовала себя выжатой, словно аккумулятор старой модели смартфона, который заставили запустить ракету.

В дверь постучали. На этот раз без сахара.

— Фрау Воронова? Доктор Вебер просил измерить ваши показатели перед завтраком. У нас возникли некоторые вопросы касательно вашего отказа от витаминов.

Мира села. Суставы хрустнули.

— Входите, Ингрид.

Медсестра вошла с подносом, на котором лежал тонометр и всё та же гора разноцветных пилюль. Её улыбка была приклеена к лицу скотчем профессионального этикета, но пальцы, державшие стаканчик, слегка подрагивали. Инцидент с рассыпанными таблетками прошлой ночью не остался незамеченным внутренней безопасностью клиники. Ингрид боялась потерять место, страховку и, возможно, свободу.

— Доброе утро, дорогая, — пропела она. — Давайте приведем ваше давление в порядок. Нам нужно убедиться, что ваш отказ от Омега-3 не вызвал сосудистого спазма.

Мира молча закатала рукав больничной рубашки. Протянула руку. Пока Ингрид возилась с манжетой, сканируя взглядом зрачки пациентки на предмет расширенных сосудов (следов вчерашнего саботажа), Мира смотрела сквозь неё. Старые очки брата висели на шее, спрятанные под воротником пижамы. Интерфейс лениво мерцал красным в углу зрения.

〔СУБЪЕКТ: ИНГРИД〕

〔УРОВЕНЬ СТРЕССА: 91%〕

〔АКТИВНОСТЬ: Считывает микромоторику лица пациента для отчета доктору Веберу | ИСТИННЫЙ МОТИВ: Страх разоблачения схемы доставки психотропов〕.

Манжета сжала предплечье.

— Дышите глубоко, — инструктировала медсестра.

— Я не дышу уже три года, Ингрид, — ровным голосом ответила Мира. — С тех пор как мой отец упал лицом в салат на собственном юбилее. Говорят, это был сердечный приступ. Но я думаю, ему просто надоело притворяться, что он счастлив.

Пальцы Ингрид дрогнули. Стрелка тонометра прыгнула вверх.

— Что за... фатализм с утра пораньше? — выдавила медсестра, пытаясь вернуть профессиональный тон. — Это гормоны. Вам нужно...

— Мне нужно увидеть доктора Вебера. Прямо сейчас. Перед завтраком, — перебила Мира. — Сообщите ему, что у меня случился инсайд. Касательно состава местной воды. И того, почему облака над озером пахнут жженым пластиком, когда ветер дует со стороны Франции.

Ингрид побледнела. Забрала свои таблетки и выскользнула из палаты, забыв снять манжету. Тонкий шланг змеей потянулся за ней по полу, оборвавшись с тихим пластиковым треском.

Мира проводила её взглядом. Крючок заброшен. Вебер прибежит в ярости, ожидая встретить истерику. Вместо этого он встретит зеркало своей собственной некомпетентности.

Завтрак прошел в пустом зале. Остальные пациенты предпочитали есть в своих номерах, делая вид, что их состояние

— лишь легкое недоразумение, которое можно скрыть от прессы. Мира методично жевала безвкусный омлет из белков, глядя на озеро. Очки были активны. Поверх лазури воды она видела графики токсичности и тепловые хвосты частных подводных лодок контрабандистов.

В 09:45 двери зала распахнулись. Доктор Хельмут Вебер вошел стремительно. Его идеальный костюм сегодня выглядел помятым, а узел галстука ослаблен — признак катастрофической потери контроля над ситуацией.

— Фрау Воронова, — начал он еще издалека, голос вибрировал от сдерживаемого гнева. — Объясните мне, пожалуйста, что за театр одного актера вы устроили с Ингрид? Ваши метафоры про мертвецов в облаках едва не спровоцировали у нее паническую атаку! Мы здесь лечим людей, а не кормим их бреднями!

Мира медленно положила вилку. Вытерла губы салфеткой. Посмотрела на врача снизу вверх. Взгляд ребенка, смотрящего на насекомое под микроскопом.

— Доктор Вебер, — сказала она тихо. — Вы знаете, сколько стоит минута моего времени? Мой покойный отец оценивал свою жизнь в баррелях нефти. Я оцениваю свою в терабайтах данных. Сейчас вы крадете мои терабайты своим

непрофессионализмом.

Она наклонилась вперед через стол. Солнечный луч из окна преломился в её глазах, сделав их абсолютно черными.

— Ингрид принесла мне воду вчера в 21:00. Бутылка Evian. Пластиковая. Код партии PL-405-B. Знаете, что было внутри, помимо бисфенола-А?

Доктор замер. Его рука, тянувшаяся поправить очки, зависла в воздухе.

— Откуда вы...

— Цианид? Нет, слишком банально для вашей лицензии, — Мира усмехнулась. — Там был жидкий диазепам усиленного действия. Микрокристаллическая форма. Растворяется бесследно. Идеально для перевода буйного пациента в статус «комнатное растение». Ваша клиника занимается не терапией, Вебер. Вы оказываете услугу эвтаназии воли по подписке. Михаил Устинов платит вам не за то, чтобы Настя жила. Он платит за то, чтобы она перестала *быть*.

Лицо Вебера стало цвета мела. Он оглянулся на стеклянную перегородку, за которой сидел его ассистент. Помещение внезапно показалось ему тесной тюремной камерой.

— Вы сумасшедшая, — прошипел он. — Шантаж... угрозы...

— Я тестирующая, доктор, — Мира откинулась на спинку стула. Звук удара затылка о дерево прозвучал как выстрел.

— Я нахожу уязвимости в системах. Ваша система дырявая. Если Михаил узнает, что Ингрид чуть не сорвала поставку препарата позапрошлой ночью, рассыпав таблетки, он аннулирует контракт. А швейцарская прокуратура очень любит копаться в делах богатых русских, особенно когда те умирают от остановки сердца прямо во время допроса. Как мой отец.

Мира встала. Обошла стол. Теперь она возвышалась над сидящим врачом. Несмотря на разницу в росте и весе, именно она излучала физическую угрозу.

— Я пришла сюда лечиться от апатии, Вебер. Но ваша атмосфера настолько токсична, что моя апатия прошла. Ей на смену пришел острый интерес. Оставьте меня в покое. Никаких сеансов. Никаких групповых занятий. Только прогулки в саду. Свободный график. Иначе завтра утром запись нашего разговора будет лежать на столе у прокурора Монтрё вместе с химическим анализом той самой бутылки воды.

Она развернулась и пошла к выходу. Проходя мимо Вебера, она остановилась и наклонилась к самому уху мужчины, пахнущему страхом и дорогим мылом:

— Кстати, пульсометр в вашем левом кармане пиджака зашкаливает. Советую выпить успокоительное. Настоящее. Из аптечки внизу. То, что вы даете нам, имеет побочные эффекты в виде внезапной смерти.

Сад встретил её запахом мокрой земли и гниющих листьев. Осень вступала в свои права даже на берегу Женевского озера. Мира шла по гравийной дорожке медленно, наслаждаясь каждым шагом. После духоты серверных и стерильности палат запах сырости был лучшим парфюмом.

Она считала деревья. Искала ориентиры. Система навигации Макса, наложенная поверх реальности, рисовала зеленую траекторию движения.

Восточное крыло. Кипарисовая аллея. Беседка.

Четвертая скамейка слева стояла под старым дубом. Спинка её была испещрена инициалами влюбленных парочек, которые прятались здесь задолго до того, как здание превратилось в тюрьму для миллионеров.

Мира села. Достала из кармана своего тренча яблоко. Купленное вчера в нормальном магазине, а не приготовленное личным диетологом клиники. Хрустнула сочной мякотью, выплевывая косточки прямо на идеально чистый гравий. Это маленькое нарушение правил доставляло ей почти физическое удовольствие.

Ждать пришлось двадцать минут.

Сначала появилась Ингрид. Медсестра делала вид, что собирает опавшие листья в корзину, постоянно поглядывая на часы. Уровень её кортизола наверняка бил все рекорды медицинских справочников.

Затем вышла Настя.

Девушка куталась в тяжелый кашемировый плед, хотя воздух был теплым. Она двигалась медленно, механически, как кукла, которую забыли завести. Но взгляд... взгляд больше не был мертвым. В нем горел тусклый, опасный огонек уголька, присыпанного пеплом.

Настя подошла к скамейке. Остановилась в трех шагах. Уставилась на Миру.

— Ты архитектор, — произнесла она. Голос был хриплым, лишенным интонаций, но слова звучали четко. Никакого мутизма.

— Сядь, — Мира похлопала ладонью по сиденью рядом. — Садись ближе. Теплопроводность камня убивает почки.

Настя послушно села. Плотно прижалась плечом к плечу Миры. Поиск физического контакта хищника, нашедшего вожака стаи.

— Бутылка, — напомнила Мира, продолжая грызть яблоко.

Девушка дрожащей рукой вытащила из-под пледа пластиковую бутылку. Та самая, оставленная Ингрид. Внутри плескалось около литра воды.

— Они следят, — прошептала Настя, не поворачивая головы. Губы едва шевелились. — Камеры в углах. Микрофоны в розетках. Отец звонит каждый вечер. Включает частоту. Я чувствую, как у меня вытекают мозги через уши. Остается только серый кисель.

— Частота отключена, — Мира выбросила огрызок яблока. — Я взломала генератор белого шума в подвале. Пока они думают, что это перегрев системы охлаждения, ты чиста. Но это продлится недолго. Максимум два дня. Потом Вебер вызовет инженеров Михаила, и они найдут закладки.

Мира взяла бутылку из рук девушки. Открутила крышку. Понюхала. Вода как вода. Чистая отравка.

— План такой, — продолжала Мира, понижая голос до шепота шелеста жесткого диска. — Сегодня днем у тебя запланирован сеанс ЭМС-стимуляции. Электрический стул для мозга. Импульсы заставляют мышцы сокращаться, имитируя спортзал. Процедура проходит в кабинете физиотерапии. Комната звуконепроницаемая. Защищенная клетка Фарадея.

— Меня привяжут, — безэмоционально констатировала Настя.

— Уже нет, — угол рта Миры дернулся в подобии улыбки.

ки. — Я изменила твою медицинскую карту час назад. Написала, что у тебя фибрилляция предсердий. Прибор ЭМС может остановить тебе сердце. Врачи напуганы моим скандалом с Вебером. Тебе разрешат процедуру только при условии присутствия реанимационной бригады. А бригаду я уже перекупила. Вернее, заменила их кардиомониторы на транслирующие сигнал из моей сумки.

Мира достала из другого кармана ту самую флешку SSD размером с ноготь.

— Во время процедуры твоя голова будет зафиксирована в шлеме. Датчики на висках. Это идеальное окно доступа к твоей зрительной коре. Я подключусь к аппарату напрямую.

Она протянула девушке флакон с обычными глазными каплями.

— За пять минут до начала. Две капли в каждый глаз. Здесь слабый раствор скополамина. Он расширит зрачки так, будто ты находишься в состоянии наркотического опьянения. Врачи решат, что доза электричества вызвала психоз, и увеличат мощность импульсов ровно в тот момент, когда мы будем готовы скачивать данные.

Настя взяла флакон. Её пальцы впервые перестали дрожать. Она посмотрела на Миру — долго, изучающе. Так смотрят на новую деталь механизма, проверяя, подойдет ли она к пазу.

— Зачем тебе это? — спросила девушка. Впервые в её голосе появилось человеческое сомнение. — Мой отец убьет тебя. Он купит весь кантон. Весь мир.

— Твой отец покупает иллюзии, — Мира закрыла бутылку крышкой и бросила её обратно Насте. — А я продаю реальность. Багованную, кривую, неудобную, но настоящую. Держи.

— Что это?

— Твоя свобода. Или твой смертный приговор. Выбирай сама. Выпьешь эту воду — станешь овощем навсегда, и папочка заберет тебя в свой золотой склеп. Разобьешь бутылку — начнется война. Кровавая. Грязная. Тебя будут искать. Тебя будут пытаться люди, которые умеют делать больно, не оставляя следов на рентгене.

Мира поднялась. Отряхнула невидимую пыль с колен.

— Встреча окончена. Возвращайся в палату. Сделай вид, что плачешь. Скажи Ингрид, что природа давит на тебя. Пусть даст тебе двойную дозу транквилизаторов. Уснешь крепко. Без сновидений. Это сохранит твои нейроны до вечера.

Она сделала несколько шагов по гравии, удаляясь в сторону кипарисов. Сердце стучало спокойно. Риск был колоссальным. Если Настя сломается...

Позади раздался звук. Резкий, влажный хруст пластика. Мира обернулась.

Настя стояла, сжимая в руке остатки разбитой бутылки. Вода темным пятном растекалась по светлому гравию, впитываясь в камень. Осколки блестели на солнце, как зубы.

Девушка подняла голову. На её губах играла улыбка. Жесткая, взрослая, лишенная даже тени подростковой наивности. Улыбка человека, только что совершившего первое осознанное убийство собственного прошлого.

Она провела пальцем по щеке, размазывая слезу, стекающую из глаза, куда упали капли скополамина.

— Начинай войну, — прошептала она достаточно громко, чтобы Мира услышала. — Архитектор.

Мира кивнула. Накинула капюшон тренча, скрывая лицо, и скрылась за поворотом аллеи.

Первый кирпич новой империи был заложен. Водоем окрасился кровью.

****Часть восьмая: Кабинет физиотерапии****

Кабинет ЭМС-стимуляции в «Монтрё Палас» напоминал гибрид пыточной камеры из средневековья и рубки управления звездолетом. Белые кафельные стены, тусклый синий свет от диодных лент и массивное кресло из черной кожи,

похожее на электрический стул для очень богатых клиентов. От него тянулись пучки проводов к металлическому экзоскелету, нависающему над головой пациента.

Мира стояла у пульта управления, облаченная в безупречно белый халат врача-физиотерапевта. На её бейдже значилось: *«Доктор Елена Вайс. Стажер-консультант (аудит оборудования)»*. Легенда была идеальной — клиника только что сменила поставщика нейростимуляторов после того, как Мира анонимно слила в швейцарскую прессу данные о перегреве старых аппаратов конкурентов.

Напротив неё, в кресле, сидела Настя. Девушка выглядела спокойной, почти умиротворенной. Это было обманчивое впечатление. Скополамин, введенный через глазные капли, расширил её зрачки до состояния абсолютной черноты. Для любого стороннего наблюдателя она казалась наркоманкой под кайфом. Но Мира видела сквозь линзы очков истинную картину:

[СУБЪЕКТ: НАСТЯ]

[СОСТОЯНИЕ: ФОКУС. ЧАСТОТА ГАММА-ВОЛН: 40 ГЦ (ПИК КОГНИТИВНОЙ АКТИВНОСТИ)]`.

Девочка не спала. Она ждала сигнала, превратив свое тело в идеальный проводник.

— Расслабьте плечи, фройляйн Анастасия, — голос Ми-

ры звучал ровно, профессионально. В кабинете пахло озонном и холодным гелем для датчиков. — Сейчас аппарат проведет картирование вашей моторной коры. Будет легкое покалывание.

Двое охранников клиники стояли у двери. Доктор Вебер лично привел их сюда, приказав следить за каждым движением «сумасшедшей русской». Он стоял рядом с Мирой, нервно теребя манжету. Инцидент в саду и разбитая бутылка довели его уровень кортизола до критической отметки. Ему нужен был успех этой процедуры, чтобы показать Михаилу Устинову: ситуация под контролем, дочь просто проходит сложный этап адаптации.

— Вы уверены, что мощность импульсов безопасна? — в сотый раз спросил Вебер, заглядывая Мире через плечо. Его дыхание отдавало дешевым кофе и паникой.

— Абсолютно, доктор, — Мира улыбнулась ему той самой холодной улыбкой, которой отправляла Виктора С. подписывать документы об отставке. — Я калибровала этот прибор своими руками. Если напряжение превысит порог хотя бы на один вольт, система аварийного отключения вырубит весь блок питания здания. Швейцарцы помешаны на безопасности электропроводки.

Она закрепила последний электрод на виске Насти. Дат-

чик присосался к коже с влажным чавканьем.

Мира ввела последние команды в консоль. Её пальцы летали над клавиатурой со скоростью пулеметной очереди. Пока Вебер любовался графиками на главном мониторе, отражающими лишь фасад системы, Мира работала в глубокой командной строке терминала Linux.

Она активировала скрипт `ANABELLE\_BRIDGE`. Протокол прямого доступа к зрительной коре.

Интерфейс перед глазами Миры моргнул. Реальность кабинета растворилась, уступая место внутреннему пространству девочки.

«Контакт установлен», — вспыхнула зеленая строка.

— Начинаем первую фазу, — громко объявила Мира для охраны и Вебера. — Мощность два процента. Частота десять герц.

Она опустила рычаг.

Кресло едва заметно завибрировало. По телу Насти пробежала легкая дрожь. Искусственные сокращения мышц заставили девушку выгнуться дугой, ремни безопасности скрипнули. Со стороны это выглядело как начало эпилептического припадка или мучительная пытка.

— Всё в порядке! — крикнула Мира, хотя пульс девушки на кардиомониторе оставался идеально ровным. — Нормальная реакция нервной системы на деполяризацию!

На самом деле ток шел мимо тела Насти, уходя прямоком в заземляющий контур, который Мира модифицировала полчаса назад. Физическая боль была иллюзией для зрителей. Настоящая работа шла внутри черепа.

Мира увидела мир глазами Насти. Но не так, как видит человек. Это был поток сырых данных. Миллиарды пикселей информации, которые мозг обычно фильтрует, оставляя лишь картинку.

Мира начала сканирование. Она искала «слепое пятно» — тот самый сектор памяти, куда Михаил годами складировал свои грехи, надеясь, что электрошок и таблетки похоронят их навсегда.

Вот оно. Стена из белого шума. Нейронная преграда толщиной в километры подавленной боли.

Мира направила туда импульс взлома.

Белый шум треснул.

Перед внутренним взором обеих — оператора и узла — полился поток воспоминаний. Не кино, а сырой код событий.

Файл №1: Москва. Офис отца. Глубокая ночь.

Маленькая Настя сидит под столом из красного дерева. Ей пять лет. Ноги затекли. Она слышит голос отца по громкой связи. Он говорит с кем-то по имени «Миша-биатлон».

— Проблему нужно решить, — рычит голос Михаила Устинова. — Сухие цифры. Завод в Сибири мешает прокладке трубы. Там деревня. Тридцать дворов.

— Люди, Михаил Андреевич? — переспрашивает собеседник.

— Какие люди? — смеется отец Насти. — Коэффициент погрешности. Выпишите им компенсации. Кто не возьмет — отключите газ в минус сорок. Естественный отбор сделает всё сам. И сожгите бумаги. Мне нужны чистые аудит-периоды для Лондона.

Настя под столом сжимает плюшевого медведя. Плюш впитывает запах её страха.

Файл №2: Средиземное море. Яхта.

Насте двенадцать. Она стоит на корме. Отец держит её за руку слишком крепко, костяшки пальцев белые.

Внизу, на палубе ниже, лежат люди. Мужчины в костюмах. Они не дышат. Их глаза открыты и смотрят в солнце.

Рядом суетятся люди отца. Один достает гарпунный пистолет для подводной охоты.

— Акваланги сними, идиот, — командует Михаил. — Бетонные ботинки надежнее. Рыбы тоже хотят кушать. Сделай-

те всё чисто, пока мы завтракаем. И вытрите кровь с тиковой доски, она портит вид.

Поток данных ускорился. Мира чувствовала, как температура процессора в очках v.3.1 растёт. Система охлаждения гудела на пределе. Вебер ничего не замечал, он смотрел на экран энцефалографа, где линии плясали хаотично, принимая взлом мозга за терапевтический кризис.

— Увеличьте мощность! — приказал Вебер. — У нее су-дороги!

— Нельзя! — рявкнула Мира, не отрываясь от клавиш. — Риск остановки сердца девяносто процентов! Держите де-фибриллятор наготове!

Последний файл. Самый свежий. Тот, ради которого всё затевалось.

Файл №3: Женева. Ангар «Северный».

Запись велась скрытой камерой ноутбука Михаила. Дата — вчерашний вечер.

Устинов сидел перед экраном. Он открыл зашифрованный канал связи. Лицо его было искажено яростью.

На другом конце экрана — лицо Анны. Спокойное, улыбающееся.

— Ты перешел черту, Миша, — сказала Анна. — Девочка сломана. Ты превратил её в растение. Я давала тебе время.

— Она моя дочь! — ревел Михаил. — Я лечу её болезнь!

— Её болезнь называется совестью, — ответила Анна.

— А лекарство ты покупаешь у меня. Только вот партия лекарств оказалась бракованной. Моя новая помощница... очень талантливая девочка. Она сейчас копирует всё содержимое твоих серверов, пока мы разговариваем.

Михаил замер. Его лицо медленно наливалось кровью.

— Где она?

— Недалеко. В твоей любимой клинике. Сидит прямо сейчас в кресле физиотерапии. Кстати, скажи спасибо, что это не хирургическое вмешательство. Хотя...

Анна посмотрела прямо в камеру. Улыбнулась.

— ...привет, куколка. Папа смотрит. Как тебе шоу?

Воспоминание оборвалось вспышкой ярости. Защитные протоколы психики Насти попытались перезагрузить систему, столкнувшись с осознанием того, что отец не просто убийца. Он знал, что её пытаются электричеством прямо сейчас, и обсуждал это с врагом за чашкой кофе.

Мира поняла, что пора заканчивать. Корневая папка скопирована. Доказательств хватит, чтобы отправить Михаила Устинова в трибунал Гааги, а Анну — на вершину пищевой цепи.

Она резко дернула рычаг обратно. Ток исчез.

Кресло перестало вибрировать. Настя обмякла, повиснув на ремнях. Голова упала набок. Глаза закатились.

— Клиническая смерть! — закричала Мира, срывая перчатки. — Адреналин! Быстро!

Она бросилась к девушке, делая вид, что проверяет пульс на шее. Нащупала артерию. Сердце билось ровно и сильно. Очередной блеф.

Охранники забежали, сталкиваясь друг с другом. Вебер схватился за сердце, оседая на стул.

— Готовьте шприц! — Мира расстегнула воротник платья Насти. Наклонилась к самому уху девушки, прикрыв её собой от камер наблюдения. Шепот прозвучал тише падения пепла:

— Копия завершена. Архив у меня. Он видел тебя. Он знает, что ты знаешь. Война началась три секунды назад. Когда очнешься — падай в обморок. Поняла?

Ресницы Насти дрогнули. Раз. Второй. Это был единственный ответ, который могла позволить себе коматозница.

Мира выпрямилась. В руках она держала пустой шприц. Ампула с адреналином валялась на полу — Мира «случайно» выбила её из рук подбежавшего санитаря.

— Мы потеряли её! — истерично закричал Вебер. — Звоните Устинову! Сообщите, что его дочь...

— Она жива, идиот, — устало бросила Мира, стирая пот со лба. — Обычный вазовагальный обморок на фоне перегрузки ЦНС. Вы видели показатели? Сорок герц чистого ужаса. Её мозг только что пережил распятие. Оставьте нас. Все вон. Мне нужно ввести ей внутривенно седативное, иначе следующий приступ убьет стволовые клетки.

Вебер, бледный как полотно, махнул рукой охране. Они вышли, волоча ноги. Сам врач остался стоять в дверях, трясясь.

— Если она... если с ней хоть волос упадет...

— Тогда ваш контракт с РосАктивом станет отличным материалом для обоев в камере смертников, — закончила за него Мира. — Закройте дверь с той стороны. Воздуха мало.

Дверь захлопнулась. Щелкнул замок.

Мира осталась одна в тихом кабинете. Запах озона щипал ноздри. Она подошла к зеркалу над медицинским шкафчиком. Посмотрела на свое отражение.

Лицо серое. Под глазами черные круги. Губы искусаны в кровь.

Но взгляд был чистым. Холодным. Абсолютно пустым от жалости.

Она сняла очки брата. Протерла их. Затем надела тонкие титановые линзы Анны. Мир снова стал набором вероятно-

стей.

Надпись парила в воздухе перед ней:

〔ОПЕРАЦИЯ: КРАЖА ДУШИ〕

〔СТАТУС: УСПЕХ〕

〔АКТИВ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ МИХАИЛА УСТИНОВА | СТАТУС: ОБЕЗВРЕЖЕН〕.

Мира взяла сумку. Достала оттуда маленькую флешку. Та теплая копия данных, которую она вытащила из головы Нasti, теперь лежала здесь, весом в несколько граммов. Хватит, чтобы купить континенты. Или уничтожить их.

Она спрятала флешку в тайник каблука своего ботинка. Поправила халат.

Подошла к Naste, которая продолжала имитировать глубокий медикаментозный сон. Провела рукой по её мокрым от пота волосам.

— Спи, солдат, — прошептала Мира. — Завтра твой выход. Мы идем домой. Домой к папочке.

Выходя из кабинета, Мира чуть не столкнулась в коридоре с Ингрид. Медсестра несла поднос с едой. Увидев Миру, она вздрогнула и прижалась к стене.

Мира остановилась. Посмотрела на неё сверху вниз. Надеда свою самую страшную профессиональную улыбку тестиовщика, нашедшего критическую уязвимость в системе

жизнеобеспечения космического корабля.

— Передайте доктору Веберу, — сказала она сладким голосом, — что если я еще раз почувствую запах дешевого растворимого кофе в радиусе десяти метров от моей пациентки, я сделаю ему лоботомию скрепкой для бумаг. Бесплатно. Из любви к искусству.

Ингрид сползла по стенке на пол, потеряв сознание. Поднос с грохотом упал, рассыпая по стерильному линолеуму куски авокадо и листья салата.

Мира перешагнула через бесформенное тело медсестры и пошла по коридору легкой походкой человека, у которого больше нет долгов. Ни финансовых, ни моральных.

****Часть девятая: Код «ВисинуТу»****

Ночь в клинике после инцидента с Ингрид и обмороком Насти напоминала разворошенный улей, который пытались замаскировать под выставку орхидей. Доктор Вебер заперся в своем кабинете с бутылкой тридцатилетнего Macallan — Мира видела это через тепловизор очков, пока шла по коридору. Охрана устроила посты, но их рации работали на частоте, которую Мира взломала еще в первый день пребывания здесь. Для них она была призраком.

Мира сидела в своей палате. Окно было открыто настежь, выпуская влажный воздух озера. Она не пыталась спать. Сон был неэффективной тратой времени, когда до финала оставались считанные часы. На коленях лежал ноутбук Макса. Экран заливал лицо синим светом.

Флешка из каблука теперь покоилась в USB-порту.

Архив назывался просто: `USTINOV\_ROOT.rar`.

Пароль к нему состоял из одного слова. Того самого, которое девочка вывела дрожащими пальцами на планшете в саду.

`«ВисинуТу»`

Мира ввела его. Архив распаковался за секунду. Никакой сложной защиты. Михаил Устинов считал себя неуязвимым; зачем защищать данные внутри клиники, которая принадлежит ему почти официально?

Папки открылись одна за другой:

- * `/Finansy\_Offshore/` (Маршруты триллионов).

- * `/Black\_Book/` (Компроматы на министров всех стран G20).

- * `/Project\_Eden/` (Личный бункер-ковчег в Новой Зеландии).

Но Миру интересовала только одна директория. Самая

маленькая. Личная папка отца, названная именем дочери.
`/Nastya\_Medical\_Core/`

Внутри лежали видеофайлы сеансов связи. Полная хронология превращения живого ребенка в лабораторную крысу. Мира открыла самый свежий файл. Тот, что загрузила сегодня из зрительной коры девочки во время ЭМС-шока.

Запись велась со встроенной камеры ноутбука Михаила. Качество 4K HDR. Устинов сидел в своем московском кабинете. За панорамным окном позади него пылала огнями Москва-Сити. Он выглядел как Бог-магнат. Белая рубашка без галстука, расстегнутый воротник, уверенные руки на столе из цельного куска метеорита.

Рядом с ним, вне кадра, слышался тихий женский смех. Кто-то массировал ему плечи.

— Они думают, я плачу им за лечение, — говорил Михаил кому-то невидимому, своему собеседнику по второй линии связи. Голос был бархатным, сытым. — Этот идиот Вебер верит, что спасает мою девочку от шизофрении. А я покупаю тишину. Мне нужна пустая оболочка. Кукла. Чтобы когда придет время передавать активы фонду, никто не тыкал пальцем в дочку психопата. Наследница должна быть трагичной, красивой и немой. Как статуя.

— Ты слишком жесток даже для себя, Миша, — ответил

женский голос из-за кресла. Голос Анны. Запись была двусторонней.

— Жестокость — это неэффективность, Аня, — рассмеялся Михаил. — Я просто оптимизирую код. У неё был баг — эмпатия. Вызывал зависание системы при виде крови. Мы провели дебаггинг. Электричество отлично чистит синапсы. Жаль только, что она всё забывает... Почти всё.

Михаил щелкнул пальцами. В кабинет вошел охранник. Положил перед ним на стол металлический кейс. Такой же, какой Мира видела в воспоминаниях Насти.

— Образцы прибыли? — спросил Устинов.

— Да, Михаил Андреевич. Партия свежая. Из лаборатории в Сингапуре.

Михаил открыл кейс. Внутри, в ячейках из синего поролона, лежали стеклянные ампулы. Но внутри них была не жидкость. Там пульсировало нечто живое, похожее на клубок светящихся червей или нейронную сеть.

— Нейропептид XJ-12, — пояснил Михаил невидимому зрителю (или себе будущему, оставляя запись-дневник). — Последняя разработка. Не стирает память. Он блокирует связь между миндалевидным телом и префронтальной корой. Человек помнит ужас, но больше не *чувствует* его. Боль становится статистикой. Смерть отца — строчкой в отчете. Можно смотреть на казнь собственных родителей и заказывать десерт. Идеальный солдат. Идеальная дочь.

У Миры похолодело затылке. Это уже не шантаж и не корпоративные игры. Это химическая лоботомия нового поколения. Если Михаил введет это Насте, девочка действительно исчезнет навсегда. Останется лишь фарфоровая кукла с глазами цвета льда.

Михаил достал одну ампулу. Поднес её к свету.

— Завтра утром, — прошептал он. — Вебер сделает ей капельницу под видом витаминов группы В. К обеду моя куколочка будет готова. Стерильная. Послушная. Я заберу её в Цюрих. Оформим документы на опекунство фонда. И забудем этот неприятный эпизод с её истериками.

Он поставил ампулу обратно. Закрыв кейс. Щелчок металлических застежек прозвучал в динамиках ноутбука Миры как звук опускающейся крышки гроба.

Файл закончился.

Мира сняла очки и потерла переносицу. Глаза горели сухим огнем.

Теперь она знала всё. Место. Время. Метод. Способ доставки яда.

Завтра в 10:00. Процедурный кабинет на втором этаже. Медбрат Клаус. Ампула витамина В12.

Она посмотрела на часы в углу экрана ноутбука. 03:14. До рассвета оставалось шесть часов сорок шесть минут.

Мира вышла из палаты ровно в 05:30. Коридоры санатория были пусты. Ночная смена спала, дневная еще не приехала. Только камеры наблюдения лениво поворачивали свои черные головы вслед за ней. Но записи они вели на локальный сервер, дисковое пространство которого Мира незаметно заполнила петлями пустых данных час назад. Официально её сейчас вообще не существовало в этом здании.

Она спустилась на цокольный этаж. Туда, где располагалась прачечная и склад медикаментов.

Дверь склада имела биометрический замок. Мира приложила к сканеру палец доктора Вебера. Утром, во время обхода, она «случайно» коснулась его руки, передавая ему планшет. Силиконовый слепок кожи, созданный микро-нанороботами в её кольце, передал рисунок отпечатка на сенсор. Замок пискнул и открылся.

Внутри пахло формалином и озоном. Стеллажи уходили под потолок. Белые коробки с красным крестом.

Мира двигалась уверенно. Её мозг просчитывал логистику склада быстрее, чем процессор банкомата считывает чип.

Сектор D. Полка четыре. Холодильная камера.

Коробка с маркировкой: `Patient\_NA (Ustinova) | Morning Kit | 10:00 AM`.

Мира вскрыла пломбу. Внутри лежал стандартный набор для внутривенной инфузии. Пакет физраствора, жгут, спиртовые салфетки. И две стеклянные ампулы в пластиковом держателе.

1. `[B12 Complex]` — ярко-красная жидкость.
2. `[Sedative\_Pro\_VIP]` — прозрачная, тяжелая.

Настоящая ампула B12 находилась в сейфе Вебера. Эти две были подделками, которые курьер Михаила должен был заменить на оригинальные утром. Но курьеры часто ошибаются таймингами. Или курьеров можно перехватить.

Мира взяла ампулу с красной жидкостью. Поднесла к глазам. Сквозь линзы очков стекло стало прозрачным, открывая молекулярную структуру.

`[ОБЪЕКТ: НЕЙРОПЕПТИД XJ-12]`

`[СТАТУС: АКТИВЕН. СРОК ПОЛУРАСПАДА: 72 ЧАСА.]`

`[ЭФФЕКТ: ПЕРМАНЕНТНАЯ ДЕЗАКТИВАЦИЯ СТРАХА И СОЧУВСТВИЯ].`

Обычный человек увидел бы просто пузырек. Мира виде-

ла оружие массового поражения, нацеленное в висок одной конкретной девочки.

Она аккуратно, чтобы не оставить микротрещин на стекле, заменила настоящую ампулу В12 (которую предусмотрительно изъяла из кабинета врача десятью минутами ранее) на эту — с «живыми червями» внутри.

Затем она подошла к промышленному автоклаву. Старая модель, греющая инструменты сухим жаром. Температура внутри — двести градусов.

Мира положила вторую ампулу (прозрачный физраствор, который стоял в коробке изначально) внутрь стерилизатора. Задвинула тяжелую титановую дверцу. Нажала кнопку экстренного нагрева.

Через три минуты раздался тихий хлопок. Сосуды сузились от жара, давление внутри возросло, и стекло лопнуло. От противоядия (или того, что должно было нейтрализовать побочные эффекты) осталась лишь лужица воды на дне металлической камеры.

Мира закрыла дверь прачечной снаружи. На ручку она наклеила маленькую полоску прозрачного скотча, смазанную изнутри каплей суперклея. Мелкая пакость, дающая ей лишние пять минут форы, когда Вебер попытается войти сюда после катастрофы.

Она поднялась на второй этаж. Прошла мимо процедурного кабинета. Заглянула в щель.

Медбрат Клаус сидел внутри, листая порножурнал. Уровень его интеллекта позволял доверить ему только смену пакетов с физраствором.

[УЯЗВИМОСТЬ: ИНСТРУКЦИЯ. ОТСУТСТВИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ].`

Мира прошла дальше по коридору. Остановилась у окна. Достала свой кнопочный телефон. Набрала номер, который выучила наизусть в самолете. Единственный номер, который не прослушивался ни одним агентством мира — прямая спутниковая линия Анны.

Аппарат звякнул дважды. Ответ последовал мгновенно. Ни гудков, ни шипения. Просто дыхание женщины, которая не спит десятилетиями.

— Докладывай, — голос Анны был лишен эмоций.

— Объект идентифицирован, — сказала Мира, глядя на свое отражение в стекле. Лицо осунулось, глаза стали огромными на бледном лице. — Доставка запланирована на 10:00. Препарат XJ-12. Исполнитель — медбрат Клаус. Инструкция введена.

— Риск обнаружения? — спросила Анна.

— Минимален. Я изолировала систему видеонаблюдения. Вебер проспит всё в своем кабинете, если не пойдет прове-

рять свои запасы виски раньше срока.

— Что с девочкой? — в голосе Анны впервые проскользнуло что-то похожее на теплоту.

— Она готова, — ответила Мира. — Она ждет сигнала. Код подтверждения прежний.

— Действуй по протоколу «Буря», — приказала Анна. — После активации переходишь к фазе эвакуации. Машина будет ждать внизу через семь минут после звонка. Водитель знает маршрут.

— Принято, — Мира убрала телефон.

Она вернулась к процедурному кабинету. Постучала. Два раза. Коротко. Сухо.

Щелкнул замок. Дверь приоткрылась. В щели показалось одутловатое лицо Клауса.

— Фрау Воронова? Вам плохо? Вы бледная...

— Я твоя новая медсестра на сегодня, — перебила Мира, толкая дверь и входя внутрь. В руке она держала лоток с инструментами, накрытый голубой салфеткой. — Клаус, верно? Старшая сестра заболела. Меня прислал доктор Вебер. Подготовь систему для Анастасии. Капельница. Вену найди хорошую, девочка обезвожена.

— Но мне сказали никого не пускать... — промямлил парень, пытаясь загородить проход своим рыхлым телом.

Мира остановилась. Посмотрела на него. Взгляд её из-

менился. Исчезла маска аристократичной отстраненности. Вернулся холодный блеск тестировщика, обнаружившего критический баг в человеке.

— Клаус, — произнесла она очень тихо. — Посмотри на мой бейдж.

Парень опустил взгляд на грудь Миры. На белом прямоугольнике пластика было написано имя. Но поверх официального имени «Елена Вайс» тонким маркером было выведено другое слово. То самое, которое разрушило жизнь Насти и создало новую судьбу для Миры.

Одно слово, написанное кровью, цифровым кодом и предательством.

****«ВИНИСУТУ»**.**

Глаза Клауса расфокусировались. Журнал выпал из его рук на пол. Нижняя челюсть безвольно отвисла.

Гипнотический триггер, внедренный Мирой в подсознание девушки вчера вечером через тонкие модуляции голоса во время осмотра, сработал идеально. Слово-паразит, вирусное имя, ключ от замка мозга.

— Приготовь вену на правой руке, — скомандовала Мира. — Иглу восемнадцать. И открой пакет с витаминами. Красную ампулу поставь первой. Сегодня мы будем лечить нашу малышку по особой программе.

Клаус медленно, как лунатик, кивнул. Его руки начали ме-

ханически раскладывать зажимы на стерильной салфетке.

Мира надела латексные перчатки. Звук натягиваемой резины в наступившей тишине прозвучал как взводимый курок.

Она подошла к кушетке, на которой под тонкой простынею лежала Настя. Девушка не спала. Она смотрела в потолок широко открытыми глазами. Зрачки всё ещё были расширены скополамином, но в глубине этой черноты плясали злые, острые искорки.

Настя перевела взгляд на Миру. Едва заметно моргнула. Один раз.

Готова.

Мира улыбнулась краешком губ. Наклонилась над девушкой, готовясь вводить катетер.

— Тише, солдат, — прошептала она так, чтобы слышал только тот, кто умел слушать сквозь шум систем жизнеобеспечения. — Папочка хочет сделать тебе прививку послушания. Но доктор забыл прочитать состав лекарства.

Она взяла в руку красную ампулу. Покрутила её в пальцах, ловя тусклый свет лампы процедурного кабинета. Внутри стекла вспыхивали и гасли микроскопические молнии.

— Сегодня вместо завтрака мы устроим твоему отцу инсульт на расстоянии. Начнем курс химиотерапии для миллиардеров.

Она отбила кончик ампулы о край металлического лотка. Классический, старый как мир жест. Стекло хрустнуло идеально чисто.

Мира вставила иглу в шприц. Потянула поршень на себя. Красная, густая, фосфоресцирующая жидкость начала заполнять цилиндр.

Это была не сыворотка подчинения.

Это был антидот. Концентрат чистой ярости, синтезированный системой брата из боли самой Насти.

Мира сжала пальцы на поршне.

Время обновлять прошивку этого прогнившего мира.

****Часть десятая: Инфаркт на расстоянии****

Шприц наполнялся медленно. Красная жидкость внутри стекла казалась густой, как расплавленное стекло или венозная кровь мифического существа. Мира видела её истинную природу через линзы очков — это был не химический препарат в привычном понимании. Это была концентрированная нейронная матрица, собранная из чистых гормонов ярости и обрывков памяти Насти о каждом преступлении отца.

Мира постучала по цилиндру ногтем, выгоняя пузырьки воздуха. Маленькая серебряная точка поднялась вверх и

лопнула у поверхности. Клаус стоял рядом, подавая салфетки. Его лицо было абсолютно пустым — триггер «ВисинуТу» превратил медбрата в идеальный биологический автомат.

— Протри кожу, — скомандовала Мира, не глядя на него.
— Сильно. Нам нужен максимальный приток.

Клаус послушно прижал спиртовую салфетку к внутренней стороне локтя девушки. Настя лежала неподвижно, лишь пульсирующая жилка на шее выдавала колоссальное напряжение её нервной системы. Она смотрела на Миру взглядом человека, идущего на расстрел, который внезапно узнал, что пули настоящие, а значит, мучениям скоро конец.

Игла вошла в вену мягко, без сопротивления. Тонкий пластиковый катетер закрепился на руке пластырем. Мира соединила шприц с инфузионной трубкой.

— Начинай подачу, — бросила она Клаусу. — Медленно. Сорок капель в минуту. Я хочу, чтобы этот яд пропитывал её мозг постепенно, миллиметр за миллиметром. Как радиация.

Медбрат повернул колесико регулятора. Красная субстанция начала свой путь вниз по прозрачной трубке, неумолимо приближаясь к кровотоку девочки.

Мира села на стул рядом с кушеткой. Положила свою ла-

донь поверх ледяных пальцев Насти. Кожа девушки была холодной и влажной, но хватка, когда она сжала руку Миры в ответ, оказалась стальной.

— Что ты чувствуешь? — тихо спросила Мира, наклоняясь так, чтобы её губы почти касались уха пациентки. Камеры наблюдения видели сейчас просто сцену нежной заботы медсестры над больной.

— Холод... — прошептала Настя. Голосовые связки, атрофировавшиеся от долгого молчания, скрипели. — А потом огонь. В затылке горит.

— Это сгорают его приказы, — ответила Мира. — Твой отец хотел сделать тебя пустой чашкой. Мы наполним её кислотой. Когда всё закончится, ты больше никогда не будешь бояться темноты. Потому что сама станешь ею.

Красная черта в трубке достигла отметки половины пути. Мира достала из кармана халата свой старый кнопочный телефон. Набрала номер. Единственный активный контакт. Гудок. Второй. Третий.

— Слушаю, — голос Анны прозвучал в трубке лишенным сонливости. Женщина-полководец всегда на посту.

— Инфузия запущена, — доложила Мира. — Доза введена на пятьдесят процентов. Ждем барьера проницаемости гематоэнцефалического...

Её прервал резкий звук снаружи. Грохот. Звон разбитого

стекла. И сразу за ним — оглушительный, нечеловеческий рев, переходящий в визг тормозов шин по гравию.

Мира вскочила. Лицо мгновенно изменилось, сбрасывая маску заботливого врача. Теперь это было лицо хищника, чей обед попытались украсть прямо из пасти.

— Клаус, следи за каплей! Если остановится — я вырежу тебе селезенку столовой ложкой! — рывкнула она.

Она выбежала в коридор.

Картина перед процедурным кабинетом напоминала финал плохого боевика. Стеклопанель перегородки, отделявшая лестницу от коридора второго этажа, была разбита вдребезги. На полу блестели осколки. Прямо посреди них, раскинув руки, лицом вниз лежал доктор Хельмут Вебер. Из уголка его рта стекала струйка слюны, смешанная с кровью — видимо, упал лицом вперед, когда бежал. Рядом валялся опрокинутый штатив для капельниц.

А внизу, в холле первого этажа, творился ад.

Черный бронированный Gelandewagen пробил вращающиеся двери клиники и теперь буксовал на мраморе, давя пальмы в кадках. Из открывшихся дверей выскакивали люди в черной тактической форме без знаков различия. Профессиональные солдаты, а не охрана санатория. Они двигались слишком быстро и слаженно для простых телохранителей.

«Михаил», — поняла Мира. — *Он прислал чистильщиков.*

Один из солдат заметил Миру в проеме коридора. Вскинул укороченный автомат Калашникова с глушителем. Звук выстрела в замкнутом пространстве больничного коридора прозвучал как хлопок полотенцем — глухой, влажный. Пуля чиркнула по косяку, осыпав плечо Миры гипсовой крошкой.

Мира не побежала обратно в палату. Бежать навстречу вооруженному спецназу — статистически неверное решение. Вместо этого она сделала шаг назад в процедурный кабинет, захлопнула тяжелую стальную дверь и повернула массивную задвижку экстренной изоляции. Такие ставят в лабораториях уровня BSL-4.

— Доктор? — клацнул зубами пришедший в себя Клаус.
— Что происходит?

— Происходит изъятие активов, идиот, — процедила Мира. Её взгляд метнулся к красной ампуле. Уровень жидкости упал до критической четверти. Скоро вещество ударит в кровь. Нужно выиграть время. — Ложись на пол. За креслом. Если кто-то войдет — ты меня не видел. Ты спал. Понял?

Клаус рухнул на линолеум, свернувшись эмбрионом. Страх парализовал его быстрее, чем любой вирус.

Мира осталась стоять. Прислонилась спиной к двери. Закрыла глаза, отсекая звуки выстрелов и криков снизу. Ей нужно было сосредоточиться. Война началась раньше времени. План рушился. Спецназ Михаила шел сюда. У неё есть максимум три минуты до того, как они вынесут эту дверь направленным взрывом или принесут плазменный резак.

Она активировала очки брата. Мир моргнул красным.

Взгляд на ампулу:

〔ОБЪЕКТ: НЕЙРОПЕПТИД XJ-12〕

〔СТАТУС: 75% ИНФУЗИИ〕

〔БИОРИТМ НАСТИ: ФИБРИЛЛЯЦИЯ ПРЕДСЕРДИЙ | СТРЕСС: КРИТИЧЕСКИЙ〕.

Сердце девочки могло не выдержать такого коктейля из страха и химического супа.

Взгляд на дверь:

〔ЗАДВИЖКА: CLASS-4. СТОЙКОСТЬ: 3 МИНУТЫ 12 СЕКУНД ПРОТИВ РУЧНОГО ИНСТРУМЕНТА〕.

Мира сняла очки. Подошла к медицинскому шкафчику. Распахнула дверцы. Стекло жалобно звякнуло.

Она искала адреналин. Эпинефрин. То, что заставляет

мертвых вставать, а живых сходить с ума от ужаса.

Нашла коробку. Десять ампул. Прозрачная жидкость.

Этого недостаточно, чтобы остановить программу «Буря», которую запустит красная дрянь. Но этого хватит, чтобы перегрузить нервную систему.

Она набрала в один шприц чистый адреналин. Полная доза для остановки сердца. Четыре миллиграмма. Смертельная инъекция для обычного человека. Для мозга под воздействием XJ-12 это будет электрошокер мощностью в молнию.

— Открой рот, — велела она Насте.

Девушка посмотрела на нее мутными глазами. По её телу уже пошла первая волна тремора — мышцы начали сокращаться непроизвольно от столкновения двух противоположных химических агентов.

— Быстрее!

Мира силой разжала челюсти Насти, игнорируя клцанье зубов. Ввела иглу шприца глубоко в язык — самый быстрый способ доставки препарата в обход желудка и прямо в подъязычную артерию.

Нажала на поршень.

Адреналин ворвался в кровь.

Реакция последовала мгновенно.

Настя выгнулась дугой так, что затрещали ремни безопасности кресла. Спина оторвалась от кушетки. Глаза закатились, показывая только белки. Из горла вырвался хриплый, животный вой сирены воздушной тревоги. Всё тело забилося в конвульсиях эпилептического припадка — побочный эффект от лобового столкновения эйфории подчинения и чистой паники выживания.

Мира удерживала её голову, прижимая к подушке, чтобы девушка не откусила себе язык и не размозжила череп о металлический поручень.

— Держись! — кричала Мира сквозь удары тела Насти о ложе. — Терпи, черт возьми! Сейчас станет хуже, прежде чем станет лучше!

Конвульсии достигли пика. Тело Насти напряглось как натянутая струна. А затем резко обмякло. Глаза закрылись. Дыхание исчезло.

Кардиомонитор издал долгий, монотонный писк.

`АСИСТОЛИЯ.`

Остановка сердца.

— Давай же! — Мира ударила кулаком по грудиной девушки, проводя прекардиальный удар. Бесполезно. — Ну же, маленькая тварь! Ты хотела войны?! Вот твой первый бой!

Она снова схватилась за адреналин. Вторая ампула. Еще четыре миллиграмма напрямую в сердце. Игла проткнула кожу между ребрами.

Удар током дефибриллятора ей заменили собственные пальцы — она начала делать непрямой массаж сердца, считая вслух:

— Двадцать один! Двадцать два! Двадцать три!

Снизу, в холле, прогремел взрыв. Задвижка на двери кабинета вздрогнула. Петли застонали. Три минуты истекли за тридцать секунд. Спецназ использовал термобарический заряд малой мощности.

Мира продолжала качать грудь Насти. Пот заливал глаза. Халат пропитался потом и запахом озона.

— Двадцать девять! Тридцать! Искусственное дыхание!

Она прижалась губами ко рту девушки, вдывая воздух в легкие. Раз. Два.

Отстранилась. Снова качнула грудную клетку.

Внезапно тело Насти содрогнулось. Не в судороге, а в живом, судорожном вдохе. Воздух с шипением ворвался в сожженные легкие.

Монитор сменил тон. Появился рваный, аритмичный ритм. Желудочковая тахикардия. Опасно, но это жизнь.

— С возвращением в мясную оболочку, — выдохнула Мира, падая на табурет рядом. Ноги больше не держали.

Дверь процедурного кабинета за её спиной заскрипела. Металл начал краснеть по краям — снаружи работали газовой горелкой. До прорыва оставалось меньше минуты.

Мира стерла пот рукавом. Посмотрела на бледное, бескровное лицо Насти. Девочка дышала. Редко. Поверхностно. Но зрачки под веками метались — мозг обрабатывал терабайты данных, которые Мира впрыснула ей в кровь вместе с антидотом.

Красный раствор в трубке капельницы иссяк. Последняя капля упала. Шприц опустел.

Программа инсталляции завершена.

Позади раздался оглушительный треск. Дверь слетела с петель, погребая под собой остатки медицинского оборудования.

В проем влетел черный силуэт в противогазе и тяжелой штурмовой броне. Автомат поднялся, ища цель.

Мира медленно встала с табурета. Она стояла между штурмовиком и кушеткой. На её белом халате темнели пятна крови и лекарств. Волосы растрепались. Глаза горели ли-

хорадочным блеском абсолютного безумия, которое всегда приходит в момент идеального завершения кода.

Она улыбнулась человеку в маске своей самой страшной, искренней улыбкой тестировщика, чья программа только что успешно обрушила сервер целой корпорации.

Спецназовец замер на долю секунды, увидев нечто иррациональное в этой хрупкой девушке. Чистое, дистиллированное отсутствие инстинкта самосохранения.

Мира подняла руку. Указала пальцем на солдата. А затем произнесла всего одно слово. Пароль. Тот самый код доступа к системам управления миром, который Анна дала ей перед посадкой в Женеве.

****«Архитектор».****

Солдаты позади первого замерли. Слово повисло в воздухе, пропахшем озоном, кровью и сгоревшим пластиком. Оно звучало громче взрыва термобарного заряда.

Глава 17. Кредитное плечо

Часть первая: Анатомия тишины и шума

Утро в пентхаусе Миры Петровой начиналось не с запаха кофе, который она разлюбила еще в прошлой жизни, и не с

трели будильника. Оно начиналось с абсолютной, физически ощутимой асимметрии данных.

Мира стояла босиком на ледяном керамограните своей новой квартиры — той самой, купленной за сорок процентов от рыночной стоимости у рыдающей риелторши Ольги Ивановны. За панорамным окном во всю стену медленно серело женеvское небо. Город внизу только просыпался: первые трамваи резали стальными колесами рельсы, оставляя искры; дворники методично сметали желтые листья платанов в аккуратные кучи. Внизу была жизнь. Линейная, предсказуемая, подчиненная законам термодинамики и трудового кодекса.

Здесь, на высоте птичьего полета, Мира видела изнанку этого утра. Её взгляд был прикован к трем огромным мониторам, стоящим прямо на полу (она так и не купила стол, считая мебель избыточным кодом). Экраны светились холодным синим светом, выжигая остатки мелатонина в её сетчатке. На левом мониторе пульсировала лента Bloomberg Terminal. Зеленые и красные цифры сменяли друг друга с частотой сердечных сокращений испуганного животного. В центре висела трехмерная карта мировых логистических цепочек, где танкеры выглядели как ленивые светящиеся черви, ползущие через океаны. Справа — личный терминал доступа к ядру «Скрытого скоринга», адаптированный под ар-

хитектуру банка Виктора С.

Тишина в комнате была обманчивой. Для обычного человека здесь было пусто. Но для Миры пространство гудело. Это был белый шум высокочастотных транзакций, проходящих через оптоволокно по дну Атлантики. Она слышала их не ушами — затылком. Система «Горизонт» версии ноль-один, которую она интегрировала в свой зрительный нерв после побега из клиники «Монтрё Палас», перестроила её сенсорику. Теперь реальность имела разрешение выше человеческого восприятия.

Она протянула руку к шее. Старые очки брата — тяжелая конструкция из промышленного пластика и припаянных вручную плат — висели на нейлоновом шнурке поверх тонкой хлопковой майки. Рядом, на другом шнурке, болтались изящные титановые линзы Анны v.3.1. Сегодня она работала без них. Предиктивное зло утомляло. Ей нужна была сырая правда настоящего момента.

Мира подошла к окну. Прижалась лбом к стеклу. Температура поверхности была ровно восемнадцать градусов — климат-контроль работал идеально. Сквозь тонировку она видела отражение своего лица. Бледная кожа, обтягивающая высокие скулы. Темные круги под глазами стали почти фиолетовыми, сливаясь с татуировкой вен на висках. Она поху-

дела еще сильнее, хотя казалось, что дальше некуда. Ребра проступали под кожей, как каркас старого дирижабля.

Ей двадцать восемь лет. По паспорту гражданки Швейцарии Елены Вороновой ей тридцать два. По уровню стресса её биологический возраст стремился к пятидесяти. Но внутри этой разрушающейся оболочки жил процессор чистейшей архитектуры.

Она отвернулась от окна. Прошла обратно к мониторам. Остановилась перед центральным экраном. Там мигал алый тег:

[СИСТЕМНЫЙ РИСК: РЕГИОНАЛЬНЫЙ]

[ЗОНА: ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ | СТРАНА: ФИЛИППИНЫ/ВЬЕТНАМ]

[АКТИВ: ИНДЕКС НЕДВИЖИМОСТИ "GOLDEN PENINSULA"]

[СТАТУС: ПЕРЕГРЕВ ЯДРА | ТЕМПЕРАТУРА КРИТИЧЕСКАЯ]

Рядом с этим красным пятном мирно зеленели другие графики. Индекс S&P 500 обновлял исторический максимум. Акции швейцарских банков росли на фоне притока капитала бегущих от войн олигархов. Нефть марки Brent держалась стабильно высоко. Мир сошел с ума, но делал вид, что всё под контролем. И банк, которым номинально управ-

ляла Мира, процветал.

Виктор С., запертый под домашним арестом в своем шале в Цуге, прислал сегодня утром отчет о прибылях. Чистая прибыль за квартал выросла на четырнадцать процентов. Илья Маркович, новый финансовый директор (назначенный Мирой же), плакал от счастья в трубку видеосвязи, называя её спасительницей корпорации. Он видел фасад. Графики дефолтов шли ровно. Статистическая погрешность была ничтожна.

Но Мира смотрела глубже. Она переключила фильтр оптического интерфейса. Поверх красивого графика индекса недвижимости проявилась другая структура. Багровая, пульсирующая, похожая на раковую опухоль.

Мира активировала модуль глубокого сканирования протокола «Аннабель». Тот самый скрипт, который позволил ей увидеть офшоры Устинова сквозь стены бункера. Теперь она направила его не на одного человека, а на весь сектор коммерческой застройки Манилы.

Процессор очков натужно взвыл. Вентилятор охлаждения внутри дужки начал вращаться с такой скоростью, что завибрировал пластик. Мира почувствовала фантомный запах озона и жженой канифоли — память тела о подвальной ла-

боратории Макса.

Данные хлынули потоком. Мира сузила фокус. Заблокировала розничную торговлю, туризм, экспорт риса. Оставила только один сектор: Кредитование девелоперов класса люкс.

Красная муть перед глазами начала структурироваться. Она увидела скелет сделки. Банк выдавал кредиты застройщикам под строительство элитных кондоминиумов. Застройщики брали деньги охотно — спрос бешеный. Но дьявол крылся в деталях обеспечения.

Взгляд Мира прилип к строке `Collateral_Asset_ID: GP_Land_Title_88`.

Она нырнула внутрь метаданных земельного участка.

Официально там строили жилой комплекс с бассейнами и вертолетной площадкой.

Неофициально... Мира увеличила масштаб спутниковых снимков до разрешения, позволяющего видеть трещины на бетоне.

Там ничего не было. Песок. Джунгли. И фундамент, залитый цементом самого низкого качества, который уже трескался от влажности тропиков.

Надпись вспыхнула багровым неонам:

[ОБЪЕКТ: ЗОМБИ-АКТИВ]

[ЛИКВИДНОСТЬ: ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ]

[УЯЗВИМОСТЬ: КРЕДИТНЫЙ ДЕФОЛТ ПРИ ПОВЫ-

ШЕНИИ СТАВКИ ФРС США НА 0.25%. ВЕРОЯТНОСТЬ СОБЫТИЯ ПО МОДЕЛИ МАКСА: 99.4%].

Мира закрыла глаза. Алгоритмы Александра видели паттерны падения акций из-за засухи или твита Маска. Холодная математика. Но Макс заложил туда кое-что другое. Эмпатию к материи. Его система понимала физику разрушения. Эти дома рухнут не потому, что рынок упадет. Они рухнут, потому что бетон разбавляли морской водой, а арматуру воровали. Это был идеальный шторм человеческой жадности и инженерной халатности.

Банк продавал облигации этих проектов своим VIP-клиентам. Русским чиновникам, арабским шейхам, китайским промышленникам. Продавал их как «золотые активы развивающихся рынков».

Александр требовал роста показателей любой ценой. Виктор хотел очистить баланс перед IPO. Оба они готовили бомбу замедленного действия, надеясь успеть катапультироваться до взрыва.

Мира улыбнулась. Улыбка вышла хищной, обнажающей клыки. Она больше не собиралась чинить трубы. Она решила взорвать этот водопровод к чертям и продать воду тем, кто выживет в пустыне.

Она села в кресло перед терминалом. Кожаное сиденье недовольно скрипнуло — звук дешевого пластика, замаскированного под роскошь. Как ненавидела фальшивую улыбку Ильи Марковича и дорогие духи финансового директора Виктора, которыми тот пытался залить запах панического пота.

Мира положила руки на клавиатуру. Суставы пальцев хрустнули. Она ввела команду обхода банковских протоколов безопасности. Использовала уязвимость нулевого дня, найденную ею в системе межбанковского клиринга SWIFT три года назад. Дыра размером с Гранд-Каньон, которую забыли залатать после обновления 2024 года.

На экране всплыло окно терминала Linux. Черный фон. Зеленая строка курсора.

Мира глубоко вдохнула. Воздух пах озоном и началом конца света.

Она напечатала заголовок нового файла стратегии:
`SHORT_ASIA_REALESTATE_V2.sh`

Часть вторая: Сборка инструмента (Архитектура краха)

Следующие семьдесят два часа Мира провела в состоянии цифрового транса. Граница между её телом и машиной стерлась окончательно. Она перестала есть. Сон приходил корот-

кими вспышками микросекунд прямо во время компиляции кода — её мозг научился обрабатывать визуальную информацию даже с закрытыми веками, используя остаточное свечение фосфора в глазах.

Она создала синтетическую структуру деривативов такого уровня сложности, что если бы совет директоров банка увидел формулы, у половины стариков случился бы инфаркт от одного вида греческих букв (Δ , Γ , Θ).

Шаг первый: Покупка страха.

Мира вошла на рынок CDS — Credit Default Swaps. Кредитно-дефолтные свопы. Или, говоря языком улицы, страховка от пожара. Только гореть должен был не дом, а чужие долги.

Используя полномочия заместителя председателя правления, которые она выбила из Виктора С. в обмен на сохранение ему жизни, Мира дала распоряжение казначейству банка начать скупку защиты от дефолта тех самых облигаций «Golden Peninsula», которые отдел продаж инвестиционного банкинга буквально вчера впаривал клиентам как консервативный инструмент сохранения капитала.

— Зачем нам покупать страховку на наш собственный доходящий актив? — спросил бледный начальник казначейства, глядя на заявку, подписанную цифровой подписью Ми-

ры.

— Потому что я так сказала, — ответила Мира по внутренней связи. Голос её звучал как синтезатор речи — ровный, лишенный интонаций. — Выполняйте. Лимит — двести миллионов долларов. Рыночная цена полиса сейчас копеечная, никто не верит в крах азиатов. Мы возьмем всё.

Она повесила трубку, не дожидаясь ответа. Казначей сглотнул и нажал кнопку исполнения. Миллионы долларов начали перетекать со счетов банка в карманы американских страховых гигантов. Взамен банк получал красивые PDF-файлы с надписью «Policy Certificate».

Шаг второй: Ставка против толпы.

Одних страховок мало. Страховка выплачивается долго и мучительно через суды штата Нью-Йорк. Мире нужны были наличные. Жидкость.

Она подключилась к сети Марка. Кripto-арбитражник теперь работал на неё эксклюзивно. Мира перевела ему аванс в пятьсот тысяч евро (деньги Виктора, очищенные через счета несуществующих благотворительных фондов помощи редким видам орхидей).

Инструкция была простой:

«Маркируй все ликвидные позиции азиатских девелоперов. Открывай Short-позиции максимальным плечом. Если биржа начнет блокировать заявки по правилу Limit Up-Limit Down, уходи в Dark Pools. Мне нужно падение цены, а не за-

конность процедуры».

Марк ответил одним словом: «Принято». Через час он прислал фото своей кухни. На столе лежал новенький каustomный автомат Калашникова. Подпись гласила: «Закрыв долг коллекторам. Купил аргумент для переговоров с админами бирж. Работаем».

Шаг третий: Хеджирование собственных грехов.

Это была самая тонкая часть плана. Мира знала, что когда пузырь лопнет, Александр придет за ней. Он обвинит её в саботаже. Нужно было сделать так, чтобы банк официально вышел сухим из воды, пока личные счета Миры будут ломиться от цифр.

Она написала сложный алгоритм автоматической перебалансировки портфеля. Раз в сутки, ровно в 03:00 по Гринвичу, когда ликвидность рынка минимальна, бот выставлял встречные заявки. Он покупал пут-опционы на индекс MSCI Emerging Markets, коррелируя их с объемом купленных CDS.

Для внешнего аудитора это выглядело как стандартная процедура управления рисками крупного фонда. Красиво. Профессионально. Бессмысленно скучно. Идеальная маскировка для ядерного удара.

Мира откинулась в кресле. Потерла воспаленные глаза. Достала из ящика стола старый перьевой Parker, украденный

у Виктора. Щелчок колпачка прозвучал в тишине комнаты как выстрел стартового пистолета.

Она открыла чистый лист бумаги. Давний ритуал тестирующего.

Заголовок: «План ликвидации. Объект: Глобальный пузырь самообмана».

Ниже шли пункты:

Наполнить легкие жертвы дешевым воздухом (Продажа токсичных активов).

Занять спичку у прохожего (Покупка CDS).

Кинуть спичку в лужу бензина (Повышение ставки ФРС).

Собрать пепел и построить замок (Margin Call всем идиотам).

Она убрала ручку. Посмотрела на часы Rolex Datejust на запястье. Подарок совета директоров за лояльность. Холодный металл обжигал кожу. Символ её новой, фальшивой стабильности.

Мира сняла часы и бросила их на стопку распечаток. Металл глухо ударился о дерево. Время чиновников закончилось. Начиналось время математики.

Часть третья: Искусство ожидания (Три недели симуляции нормальности)

Рынок любит ложь. Особенно сладкую ложь непрерывного роста. Следующие три недели стали для Миры самым сложным испытанием в её карьере архитектора. Сложнее, чем взлом серверной В-12. Сложнее, чем допрос Виктора. Это была пытка скукой.

Внешне всё выглядело безупречно.

Акции банка «Глобал Инвест» пробили потолок в сто франков за штуку. Илья Маркович сиял как новая монета. Он ходил по офису расправив плечи, впервые в жизни чувствуя себя хозяином положения. Он уволил Сергея Викторовича (бывшего начальника Миры) с выходным пособием в полмиллиона, приписав себе заслуги в оптимизации IT-отдела. Сергей подписал документы дрожащими руками, забрал коробку с личными вещами (включая ту самую красную ручку-воровку) и уехал лечить язву в Баден-Баден.

Совет директоров собирался дважды в неделю. Мира присутствовала на этих заседаниях в конференц-зале «Омега». Она сидела во главе стола, одетая в строгие костюмы от Logo Piana, которые заказывала портному по меркам. Она говорила мало. Короткими рублеными фразами.

Когда председатель Константин Петрович спрашивал о прогнозах на четвертый квартал, Мира смотрела на него своими прозрачными, выцветшими от недосыпа глазами и отвечала:

— Волатильность находится в пределах расчетной сигмы. Прогноз положительный. Прошу утвердить бонусный пул для отдела рисков.

Константин Петрович, человек с лицом гранитного надгробия, млел. Он думал, что эта русская девочка просто очень хороший исполнитель. Он не знал, что каждый одобренный им миллион бонуса шел прямым ходом на оплату новых полисов CDS по чуть более высокой, но всё ещё выгодной цене.

Виктор С. звонил ей каждое утро в 08:00. Домашний арест изменил его. Из холеного хищника он превратился в затравленное животное. Он сидел в своем золотом склепе в Цуге, пил минеральную воду Voss и смотрел в одну точку.

— Мира, — говорил он в динамик телефона голосом, сорванным от слез и виски Macallan. — Когда это закончится? Анна пишет мне снова. Она говорит, что Настя кричит по ночам. Что мы наделали?

— Мы оптимизировали твой баланс, Витя, — отвечала Мира, переключая вкладку с котировками фьючерсов на нефть. — Ты просил избавить тебя от долгов. Я это сделала. Отбой.

Она вешала трубку первой. Жалость была удалена из её операционной системы вместе с файлом старой водолазки.

Единственным развлечением Миры в эти дни стало на-

блюдение за людьми через систему скрытого скоринга.

Она спускалась в open-space IT-отдела. Ходила между столами. Лена («Зефирка») вздрагивала и закрывала монитор с интернет-магазином белья. Коля переставал чавкать круасаном. Для них Мира была богиней смерти, спустившейся с Олимпа.

Она подходила к столу системного администратора, которого сама же возвысила вместо Сергея.

— Как дела, Игорь? — спрашивала она.

— Всё стабильно, Мира Эдуардовна, — лепетал парень, покрываясь потом. — Латентность сети в норме.

Мира клала руку на его монитор. Включала старые очки брата поверх линз Анны. Над головой Игоря вспыхивал тег: [СУБЪЕКТ: ИГОРЬ. СТАТУС: ВИНОВЕН. ПИРАТСКОЕ ПО: AUTOCAD 2026, PHOTOSHOP BETA].

— Игорь, — мягко говорила Мира. — Удаляй AutoCAD. Лицензия стоит четыре тысячи. Переведешь мне на карту. Иначе завтра придут люди из полиции интеллектуальной собственности. Прямо сюда. Им будет очень интересно узнать про твои налоги за прошлый год.

Парень белел и кивал. Вечером курьер приносил Мире конверт с наличными. Мелочь. Десять тысяч франков. Но сам процесс охоты доставлял физическое удовольствие. Это напоминало ей старую квартиру и семнадцать трещин. Порядок должен быть абсолютным.

Но главной ареной её ожиданий оставался график \$GOLDEN \space PENINSULA\$.

Каждый день она смотрела, как зеленые свечи растут вверх. Объем торгов падал. Крупные игроки выходили. Умные деньги всегда уходят первыми. Остаются только хомячки и пенсионные фонды.

Мира вела дневник наблюдений в зашифрованном файле:

День 5: Инсайдеры застройщика начали сбрасывать свои пакеты акций. Цена -2%. Реакция рынка: Игнор.

День 12: Центральный банк Вьетнама выпустил предупреждение о перегреве сектора. Цена -5%. Реакция рынка: «Отличная возможность купить на проливе!»

День 18: Опубликованы фото фундамента комплекса. Видимые трещины бетона. Цена -8%. Реакция: Goldman Sachs повышает рейтинг компании до «Strong Buy».

Мира закрыла ноутбук. Встала. Прошла к бару. Налила себе стакан ледяной воды. Зубы заломило от холода.

Она посмотрела на свое отражение в черной глянцевой дверце бара. Женщина с мраморной кожей и взглядом змеи.

— Скоро, — прошептала она отражению. — Очень скоро.

В эту ночь ей снился океан. Не Женевское озеро, а настоящий Тихий океан. Черная вода, в которой плавают белые кости кредитных аналитиков, веривших в вечный рост ВВП Китая.

Часть четвертая: Черный лебедь с зелеными крыльями
(Детонация)

Вторник. Заседание Федерального комитета по операциям на открытом рынке США (FOMC). Событие, которое случается восемь раз в год и определяет судьбы империй.

Мира сидела в своем пентхаусе. Мониторы работали беззвучно. На главном экране шла прямая трансляция из Вашингтона. Зал заседаний. Полированное дерево. Люди в серых костюмах, чьи морщины говорили о бессонных ночах над инфляционными моделями.

Джером Пауэлл откашлялся. Поднес микрофон ко рту. Мир замер. Спреды валют расширились. Роботы-трейдеры снизили скорость подачи заявок до минимума, ожидая ключевого слова.

«...учитывая сохраняющуюся устойчивость рынка труда и признаки перегрева в секторе услуг, Комитет принял решение повысить целевой диапазон ставки по федеральным фондам на двадцать пять базисных пунктов...»

Голос диктора оборвался для остального мира взрывом новостей. Для Мира это был лишь щелчок тумблера.

Она не стала смотреть на реакцию индексов Dow Jones или Nasdaq. Она смотрела на свою панель управления сделками.

Алгоритм сработал мгновенно.

[TRIGGER: FED_RATE_HIKE_25bps]

[STATUS: ACTIVE]

[EXECUTING

ORDER

BLOCK:

ASIA_CDS_MEGA_BUY]

Первый пакет контрактов ушел на исполнение.

Цена полисов страхования от дефолта, которые Мира скупала месяц за копейки, начала расти. Сначала на центы. Потом на доллары. Затем экспоненциально.

Через десять минут новость дошла до трейдеров в Сингапуре и Гонконге. Банки начали требовать дополнительное обеспечение (margin call) по кредитам, выданным азиатским застройщикам.

Денег у застройщиков не было — всё было закопано в бетон и песок.

Они начали экстренно продавать свои облигации, чтобы покрыть кассовый разрыв.

Предложение превысило спрос в тысячу раз.

График \$GOLDEN \space PENINSULA\$ перестал быть графиком. Он стал вертикальной стеной, падающей в без-

дну.

Мира включила громкую связь с терминалом Марка.

— Марк, статус.

Из динамика раздался нечеловеческий вопль радости, смешанный со звуком работающего кулера сервера:

— ОНИ ГОРЯТ! Мира, ты бы видела Level 2! Стакан пустой! Я продаю по любым ценам! Ордера исполняются по пенни! Мы снесли все стопы ниже единицы!

— Закрой половину позиций, — приказала Мира. Голос её был абсолютно спокоен. — Выкупи обратно четверть объема. Нам нужен контроль, а не труп биржи. Оставшееся держи открытым. Пусть падает до нуля.

— Принято, королева!

Мира переключила канал. Вызов внутреннего коммутатора банка.

— Илья. Зайди. Ко мне. Немедленно.

Семь минут спустя дверь её пентхауса распахнулась. Илья Маркович ворвался внутрь. Галстук набок, лицо цвета скисшего молока, в руках планшет, с которого капает цифровая кровь убытков.

— Мира Эдуардовна! Катастрофа! Азия рушится! Наши корпоративные клиенты в панике! Margin calls на два миллиарда! Резервный фонд проседает! Совет требует объясне-

ний! Константин Петрович рвет волосы!

Мира молча указала ему на кресло. Сама она осталась стоять, освещенная синими всполохами мониторов. Богиня цифровых развалин.

— Сядь, Илья, — тихо сказала она. — И смотри внимательно. Сейчас я покажу тебе разницу между менеджером и Архитектором.

Она вывела на главный экран внутренний реестр сделок отдела управления рисками.

Илья упал в кресло. Его челюсть отвисла. Он смотрел на цифры прибыли.

```
PORTFOLIO: RISK_MIRA_PETROVA  
ASSET: GOLDEN_PENINSULA_CDS  
ENTRY_PRICE: 0.12 USD (AVG)  
CURRENT_PRICE: 45.67 USD  
UNREALIZED_PNL: +2,840,000,000 USD
```

— Три миллиарда, — выдохнул Илья. Слезы текли по его небритым щекам, смешиваясь с потом. — Три миллиарда чистой прибыли... Мира, откуда... как...

— Я знала, что они гнилые, Илья, — Мира повернулась к нему. В полумраке её глаза казались черными провалами. — Я знала это с первого дня. Пока ты продавал этот мусор

пенсионерам, я покупала билет на их похороны.

Она подошла ближе. Наклонилась. Запах её духов (дорогой, тревожный аромат мокрого асфальта и озона) ударил Илье в нос.

— Поздравляю, Илья. Ты только что провел лучший квартал в истории банка. Благодаря моим личным спекуляциям, общий баланс группы выйдет в плюс. Клиенты потеряют миллиарды. Акционеры взбесятся. Но юридически — банк ни в чем не виноват. Отдел рисков действовал профессионально, захеджировав рыночные риски. Меня наградят премией. Тебе дадут новую должность. Старшего помощника младшего черпателя.

Илья зарыдал. Громко, некрасиво, всхлипывая. Он хватал воздух ртом, пытаясь осознать масштаб цинизма женщины, которая уничтожила рынок на два континента ради спортивного интереса и красивой цифры.

Мира обошла его кресло. Положила руку ему на плечо. Пальцы сжались стальной хваткой.

— А теперь слушай меня, функция. Ты откроешь терминал. Найдешь мой контракт вице-президента. Подготовишь документ о моем добровольном уходе по собственному желанию. Дата увольнения — вчерашняя. Причина — переход на позицию независимого консультанта вне штата. Сделаешь это сейчас. И забудешь всё, что видел на этом экране. Ес-

ли слово «Манила» слетит с твоих губ в присутствии совета директоров, я использую данные твоего пульса, которые собрала твоя же программа здоровья в телефоне, чтобы доказать суду, что умер ты от инсульта, вызванного хроническим онанизмом. Понял?

Илья мелко закивал, размазывая сопли по дорожному галстуку.

Мира вернулась к своему креслу. Открыла банку холодного энергетика. Сорок миллиграммов кофеина. Капля в море её усталости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.